ПИОНЕР

П29
34

16

ИЗД-ВО ЦК ВКП(б) «ПРАВДА» 1934 г.

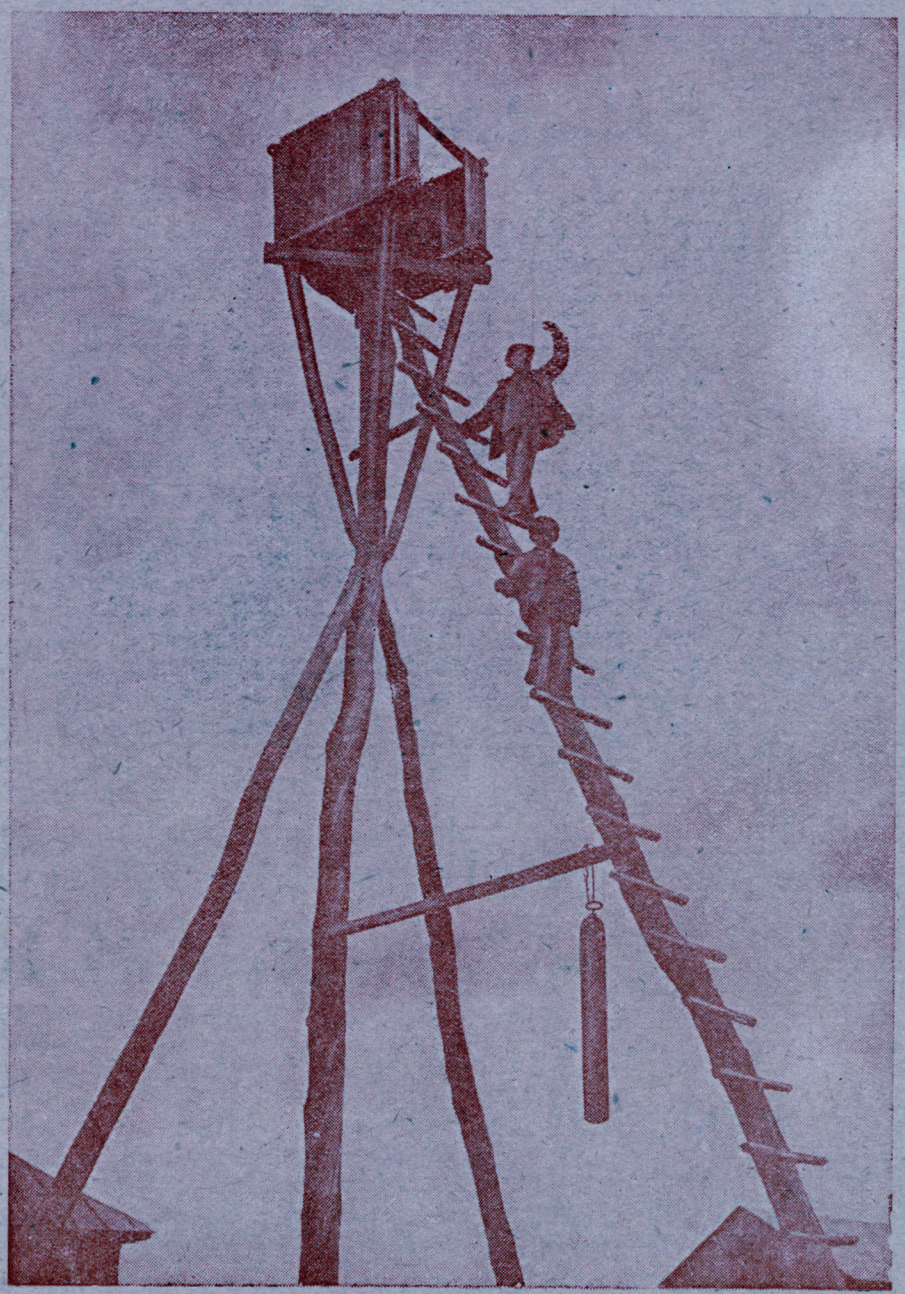
В борьбе за рабочее дело будь готов!

ПИОНЕР

№ 16

Орган ЦБ детской коммунистической организации им. Ленина при ЦК ВЛКСМ.
Адр. ред.-ул. Горького 8. Тел. 5-60-76

30 августа 1934

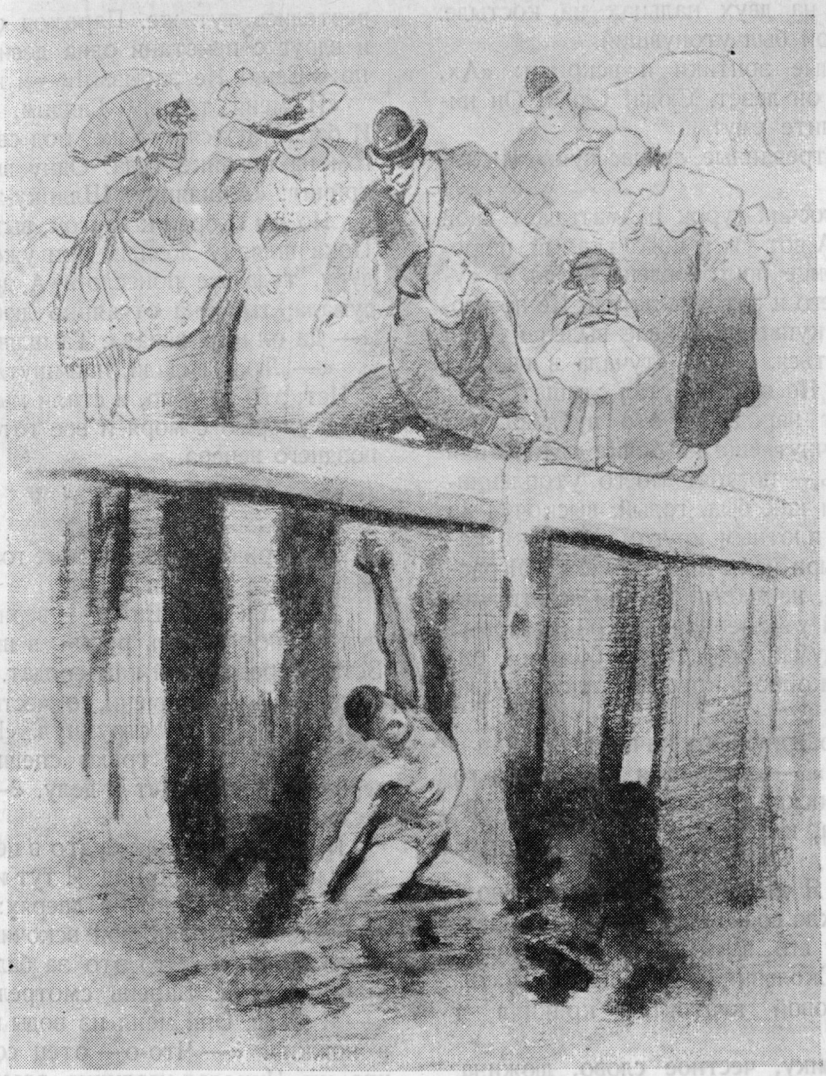


РЕБЯТА НА ПОСТУ

Пионеры и комсомольцы Писаревского колхоза. Винницкой области, на Украине, построили на полях вышки, с которых дозорные осматривают поле.

Пионер из этого колхоза Ваня Ковальчук три раза задерживал расхитителей колхозного урожая. Недавно Ваня задержал воровку Скорбут. Он отвел ее в сельсовет и тотчас вернулся на пост. Колхоз премировал Ваню Ковальчука костюмом.

П 29
34



Г.П.Б. в Лнгр.
Ц. 1934 г.
Акт № 714

Борис Житков *Рис. А. Фонвизина*

Утопленник

И утопленник стучится
Под окном и у ворот.
Пушкин

Усталый, плыл я к нашей купальне в порту. Вдруг, слышу, на пристани кричат, поглядел: разряженные дамы махали зонтиками, мужчины показывали в воду котелками, тросточками. А ну их, они пришли пароход встречать! Я хотел повернуться и поплыть на боку, но они взревели еще громче, тревожней. Я огляделся: вон, из воды показались руки. Пропали. Вот голова — и опять нырнула в воду. И я разобрал, что кричат: «Тонет, тонет!» Откуда силы взялись? Я мигом подплыл.

Вот высунулось из воды лицо, и на меня глянули сумасшедшие глаза. Я поймал его руку. И в тот же миг он прижался ко мне, обвил ногами, впился ногтями в мою руку. Мы тихо пошли ко дну. И тут я, не помня себя, рванулся. Я не заметил тогда, что в кровь разодрал он мне руку: у меня и сейчас на руке его отметины. Я выскочил, дохнул. Но вот и он тут и сейчас опять схватит меня. Я отскочил, подплыл сзади. Я схватил его за волосы и ткнул под воду. Он попытался выплыть, но я ткнул его снова. Он затих и медленно пошел ко дну. Тогда я поймал его за руку, легко поднял, повернул и толкнул его подмышки — он продвинулся вперед, весь обвисший как мешок. Я толкал его рывками прямо к берегу. Я ждал, вот сейчас дадут шлюпку — и мы спасены. Но шлюпки не было... Я боялся, что у меня не хватит сил, и глянул на пристань.

Шикарная, праздничная публика стояла плотной стеной у края пристани. Они смотрели как на цирковой номер. Махали мне и кричали: «Сюда! Скорей!» Теперь мне оставалось саженей десять. Я задыхался...

Фу, вот я у свай! Осклизлые сваи стоят прямой стеной, а подо мной двадцать футов воды. А сверху сыплется песок из-под чьих-то ног, и я слышу: «Слушайте, куда вы меня толкаете, ведь я упаду в воду сейчас. Не вам одному хочется... Ах, какой ужас, он его утопил! Но все-таки, слава богу!»

Я не мог больше, я хотел бросить утопленника, пусть достают баграми, чем хотят. Я искал, за что зацепиться. Я глядел вверх, а там — полные оживления, любопытные лица.

Ой, вот костыль! Костыль забит в сваю. Фу, ты! Не достать его, четверть аршина не достать! Я набрался последнего духу, толкнул утопленника вниз, сам под-

скочил вверх и повис на двух пальцах на костыле. В правой руке под водой был утонувший.

Наверху разноцветные зонтики и вскрики: «Ах, ужас! Он висит! Пусть он лезет. Сюда! Сюда! Он ничего не слышит. Крикните ему!»

У меня пальцы как отрезанные, сейчас пущу. И слышу: «Ге! Бак бана...» [1]

Я вскинул голову: сносчик-турок разматывает свой пояс. Я пустил пальцы. А вот уж и пояс, тканый, широкий как шарф, и на конце приготовлена петля. Я сунул в нее руки утонувшего и затянул петлю. Не помню, как я доплыл до своей купальни. Я еле вылез и упал на пол. Не мог отдышаться. Кровь стучала в висках, в глазах красные круги. Но я опять стал слышать, как гомонит и подвизгивает народ, — это публика над утопленником. Тьфу, начнут еще на бочке катать или на рогоже подбрасывать,— погубят моего утопленника. Я вскочил на ноги и как был, голый, выскочил из купальни. Толпа стояла плотным кругом. Зонтики качались как цветные пузыри над этим гомоном... Я расталкивал толпу, не глядя, не жалея. Вот он лежит навзничь на мостовой—мой утопленник. Какой здоровый парень, плотный, я не думал, что такой большой он. И лица я не узнал: спокойное, красивое лицо, русые волосы прилипли ко лбу.

Я стал на колени, повернул его ничком.

«Да подержи голову!» — заорал я на какого-то франта. Он попятился. Я искал глазами турка. Нет турка. Стой, вот мальчишка, наш гаванский шкет. «Держи башку!»

Теперь дело пошло. Я давил утопленнику живот. Ого! Здорово много вытекло воды! Нет, больше не идет.

Теперь надо на спину его, вытянуть язык и делать искусственное дыхание. Скользкий язык, не удержать.

«Дайте платок, носовой платок!» — крикнул я зрителям.

Они дали бы фокуснику, честное слово, дюжина платков потянулась бы, но тут только спрашивали задних: «У вас есть платок? Ну, какой! Ну носовой, обыкновенный!»

Я не вытерпел: вскочил, присунулся к какому-то котелку и замахнулся: «Давай платок!»

И как он живо полез в карман, и какой глаженый платочек вынул!

Теперь мальчишка держал обернутый в платок язык утопленника, а я оттягивал ему руки и пригибал к груди.

Мне показалось, что первый раз в жизни я дохнул— это вот с ним вместе, с его первым вздохом.

Мальчишка уже тер своей курткой ноги и бока этому парню. Тер уж от всего сердца, раз дело шло налад. Утопленник-то! Ого! Он уж у меня руки вырывает, глаза открыл. Публика загудела громче.

Утопленник приподнялся на локте, икнул, и его стало рвать. С меня катил пот. Я встал и пошел сквозь толпу к купальне.

Дамы закрывались зонтиками и говорили: «Я думала, они бледнеют, а глядите, какой красный! Да посмотрите!»

Они меня принимали за утопленника.

Одежду мою украсть не успели.

Через полчаса я отлежался, оделся и вышел. Никого уже не было. Пришел пароход, и на нем мыли палубу.

Дома я завязал руку. А через три дня перестал даже злиться на зонтики. И забыл про утопленника: много всякого дела летело через мою голову.

Да вот тоже с утопленниками. Уходил пароход с новобранцами. Мы с приятелем Гришкой на шлюпке вертелись тут же. Пароход отвалил, грянула музыка, и вдруг с пристани одна девица крикнула пронзительно: «Сеня! Не забывай!»—и прыг в воду.

«И меня тоже!» Глядим, и другая летит следом. И барахтаются тут же, под сваями. Мы с Гришкой мигом на шлюпке туда. Одну выхватили из воды, а она кричит: «А шляпку! Шляпку-то!»

Но мы скорей к другой, вытащили на борт и другую. Пока шляпку ловили, они уже переругались: «—Тебя, дуру, туда же понесло!» А другая говорит: «— А ты думала, ты одна отчаянно любишь?» Гришка говорит: «— Да он и не видал». Та шляпку вытряхивает, ворчит:

«— Люди видали, напишут».

Нет, это не дело, и стали мы сетки налаживать: ждали скумбрию с моря и все готовились. Возились мы до позднего вечера.

▼

Раз прихожу домой. Мне говорят, что ждет меня человек, часа уж три сидит.

Вошел к себе. Вижу — верно: сидит кто-то. Я чиркнул спичку: парень русый, в пиджачке, в косоворотке. Встал передо мной как солдат. «— Вы, — говорит, — такой-то?» По имени, отчеству и по фамилии меня называет. Я даже струхнул. «Каково? — думаю.— Начинается!» И все грехи спешно вспомнил: очень уж серьезно приступает к делу. «— Да, — говорю, — это я самый».

И парень мой как будто в церкви: становится на колени и бух лбом об пол. Я тут и опомниться не успел— отец мой со свечкой в дверях: «— Это что за представление». Парень мой вскочил. Отец присунул свечу к его лицу. «— Что это за балаган, я спрашиваю?»— крикнул отец. Парень смотрел потерянно и лепетал: «— Я Федя. Они меня из воды вынули. Мамаша велела в ножки». «— Что-о— отец со свечой ко мне.— Ты что же Николая-угодника здесь разыгрываешь? А?»

Я уже догадался, что это тот самый паренек, которого я с месяц назад выволок из воды. Я не знал, как отцу сразу все об'яснить, но тут Федя уже тверже сказал: «— Честное слово, будьте любезны. Это я был утопленник, а они меня спасли. Благодарность обещаюсь...» «— Никаких мне утопленников здесь!»—и отец так махнул свечой, что она погасла. «— Вон!» — и ногами затопал. Федя попятился. «— Ну, я уж как нибудь...» — бормотал Федя с порога. А отец не слушал, кричал в темноте: «— Двугривенные бакшиши собирать! Мерзость какая! Вон!»

Но тут и я улизнул из темной комнаты. За шапку — и к Гришке.

Ну как мне было Федю этого узнать? Из воды он глядел на меня как сумасшедший из форточки. А тут, на тебе: молодец-молодцом, с прической на пробор, пиджачок, да и в сумерках-то. Чорт его разберет! И вот наскандалил, хоть домой теперь не иди.

Уж все легли, когда я вернулся. Наутро об'яснил матери, как было дело, пусть уговорит отца. А она посмеялась, однако обещала.

Вечером иду домой. И вот только я в ворота — тут как из стенки вышел Федя. «— Мы очень вами благодарны. Мы бы на другой день, тогда же, явились. Ноги, простите, так были растерты. И вот бока, руки только раскоряченными держать можно: до чего разодрал, дай бог ему здоровья, мальчик этот, Пантюша. Мамаша маслом на ночь мне мажут третью неделю. Такой маленький, скажите, мальчик, а как здоров-то! Ах, спасибо!» — это он скороговорочкой спешил сказать, а я уж брался за двери: «— Ну ладно. Заживет. Прощайте!» — Но Федя взял меня за руки: «— Нет, я не вой-

[1] По-турецки: „Ой, посмотри на меня..."

„— А мой-то—гусь, что ли?“— и привстала, к матери присунулась.

ду, не бойтесь. Папаша ваш чересчур серьезные. А я благодарность вашей девушке передал».

«— Стой!» — сказал я и втолкнул Федю в дверь. Я позвал нашу девчонку и в сенях втихомолку велел принести сюда федину благодарность. Дверь я держал, чтоб Федя не выскочил.

Девчонка приволокла голову сахару, а потом пудовый мешочек муки «четыре нуля» и, смотрю, еще тащит — мыла фунтов десять, два бруска.

«— Забирай!»—шопотом закричал я в ухо Феде.

«— Дорогой, милый мой человек! — Федя чуть не плакал, но тоже шопотом (оба мы боялись моего отца).— Золото ты мой! Мамаша мне наказала, чтоб вручить. Говорит, коли не отблагодаришь, так ты у меня сызнова потонешь. Да это хоть кого спроси. Я же в лабазе работаю, на Сретенской, у Сотова. Ты возьми это, дорогой, и квиты будем. А мамаша каждый день за тебя бога все равно молит. Борисом ведь звать? Возьми, дорогой. Как же я домой пойду? Мамаша...»

«— А я как? — и я кивнул на дверь. — Папаша!»

«— Как же мы теперь с тобой будем, друг ты мой милый?»

Но тут я услыхал, как под отцовскими шагами скрипят ступеньки нашей лестницы.

«— А ну, гони отсюда ходом», — шепнул я Феде и пошел в дом.

Наутро я узнал, что Пантюшка-шкет вчера угощал всех папиросами «Цыганка», первого сорта, а сейчас лежит больной, — определили, что от мороженого.

Я пошел к Пантюшке. Как только все вышли, я спросил:

«— Паньтик, откуда папиросы?»

— А оттуда. Федя дает. Ну да, не знаешь? Федя-утопленник. Я его натер, он теперь аж до той пасхи помнить будет».

Я пообещал Пантюшке оторвать оба уха.

«— А что? Я же не прошу, он сам дает».

«— Меня тоже не надо просить, я сам дам!» — и я погрозил Пантюшке кулаком.

Теперь уж шел ли я домой или из дому, всегда поглядывал, не караулит ли где Федя.

Девчонка наша сказала мне, что в воскресенье Федя час, если не три, ходил под окнами.

Так прошел месяц. Я уходил за рыбой в море и редко бывал дома. Потом как-то, в праздник, я оделся в чистое и пошел в город. Я уж поднялся на спуск, как тут заметил, что за мной все время кто-то идет. Оглянулся — Федя-утопленник. Он сейчас же нагнал меня:

«— Милость мне сделайте и уважение старой женщине, тут недалеко, зайдите! Живой рукой. Мамаша, не поверите, высохли вовсе».

Он так просил, что я решился: зайду и об'ясню, чтоб больше не приставали и чтоб никаких мне больше утопленников!

Жили они в комнатушке с кухней. Чистенько, и все бумажками устлано: и плита и полочки. «Старуха» была крепкая баба лет сорока пяти.

Она мне в пояс поклонилась, хоть я не старше был ее Федьки. А потом глянула на меня очень крепенько.

«— Что ж это вы, — говорит, — молодой человек, как бы сказать, чванитесь? Вам господь послал человеку жизнь спасти, слов нет — спасибо, — она снова поклонилась, на этот раз уж не очень. — А что же выходит? Вы благодарность нашу ногой швыряете, а сами должны понимать, вы не мальчик: он у меня один, смерть за ним ходила, слава христе, — она твердо перекрестилась. — Смерть не вышла ему, и должны мы это дело искупить. А если мы это указание оставим без внимания, то, значит, снова нас оно учить будет, и тогда уже ему... — она огляделась,—тогда ему уж прямо в ведре утонуть может случиться. На это вы его вывести хотите, молодой человек? Да? — и уж такими она на меня злыми глазами глядела, так бы вот и прошпилила насквозь.—Молчите? А то, что мать сохнет,

что я его каждый день точу: возблагодарил? А то, что я листом осиновым дрожу, думаю: как же это он останется к воде не оплаченный. А? Это вам нипочем? В баню пойдет, так я как на угольях, пока воротится».

«— Так что же вы хотите?» — я уж стал пятиться к двери.

«— Что хотим? — закричала мне в лицо эта мамаша.— Да ты-то что, ирод, хочешь? Бочку золота хочешь? Нет у нас бочек! С огурцами у нас кадушка, с огурцами! Так какого тебе еще рожна подать, чтоб ты взял, креста на тебе нет! На, на самовар,— она схватила с полки медный самовар и тыкала им мне в живот.— Подушку? Федор, подавай подушки!» — Она поставила самовар мне под ноги, бросилась к кровати, там как надутые лежали пузырями две громадных подушки. С этими подушками она пошла на меня.

Я бросился к дверям. Ах, ты, дьявол! Когда их успел запереть Федька?

«— Мадам, успокойтесь! — сказал я. — Вы просто дайте мне копеечку на счастье, и будем квиты».

«— Это за кошку дают, — закричала мамаша. — За кошку выкуп! Так вот как?! Тебе, подлецу, что Федя мой, что кощенок — одна цена? А я за тебя три молебна служила».

«— Ладно,— говорю,— ладно: пусть завтра Федя приходит, я скажу, мы порядимся и будем квиты».

«— Ступайте, молодой человек, только вижу я, что вы за гусь! Завтра, так завтра. Ишь ведь и цены себе не сложит. Проводи, Федор!»

Я уж за дверью слыхал, как она сказала:

«— Послал господь!»

▼

Мы вышли с Федей.

«— Ну и мамаша,—говорю,—у тебя—коловорот».

«— Да не покрепче вашего папаши будут. Тот раз думал, порешат они меня подсвечником. Как ноги только унес?»

«— Слушай, Федор. Ну их, с родителями! Давай сами поладим. Возьми ты у мамаши своей, что она там, голову сахару что ли или мыло — «благодарность», одним словом, и занеси ты ее, благодарность эту, куда-нибудь к чертям в болото. Ну, старухам в богадельню какую-нибудь. Или хочешь: продай да пропей. Понял? И квит».

Я зашагал, Федя за мной.

«— Никак этого невозможно. Как же я перед мамашей-то солгу? Видали сами: они на три аршина в землю видят, мамаша. Обманите, если умеете, вы своего родителя, скажите: вроде купили».

«— Иди, ты!.. — и я выругался. — И чтоб тебя не видал никогда. Сунься ты к нам в гавань, вот истинный бог, скажу ребятам: они тебе сопли утрут в лучшем виде».

Федя все что-то говорил, но я шагал во весь мах и повторял:

«— Чтоб и ноги твоей... и духу твоего! Чтоб ни под окном, ни у ворот!.. К чертям!..»

Я завернул в какой-то двор. Федя отстал. Я выждал минут десять — и домой.

Дома я матери рассказал, что нет никакого сладу с утопленником, что у него мамаша об'явилась и чуть меня эта мамаша в самоваре не сварила; что если встречу, я его сразу же бить начну; если эта мамаша сохнет, то пусть она в порошок рассыплется — не чихну; туда ей, выжиге, и дорога. Я долго ругался и махал руками.

Мать сказала мне, что не надо дураком быть, но я не дал ей дальше говорить, а стал кричать, что у Пантюшки уже вся стенка в об'явлениях: «Чай Высоцкого», и «Лучшая питательная овсянка «Геркулес» и что от чернослива его скоро наизнанку вывернет.

Но мать махнула рукой и вышла из комнаты.

▼

Однако же Федьку-утопленника, видно, проняло: вот уже две недели, а его как ветром сдуло. Пантюшка пробовал узнавать, где утопленник квартирует или в каком лабазе приказчиком. То-то, ага!

Но «ага» вышло вот какое. Собирался как-то отец на службу. Стоит в прихожей, чистится щеткой. Тут звонок. Я выхожу, а отец уж двери открыл, смотрю: батюшки! Федора мамаша. Желтая, злая. Так в отца глазами и вцепилась. Черная шерстяная шаль на ней и вся как в крови в красных букетах. И под платком что то оттопыривается: прямо будто с топором пришла и сейчас кого первого по *головке* тяпнет. У меня душа в пятки.

Отец:

«— Вам кого?»

А эта глазами с отца на меня.

«— Да уж кто поправославней, того бы мне».

«— А здесь не святейший синод, сударыня», — и вижу: отец шагнул к ней со щеткой.

Тут слышу мать быстренько каблучками стукает— и сразу из дверей.

«— Это ко мне. Проходите, пожалуйста».

И как-то ловко эту выжигу под локоть, и, пока отец поворачивался, она уже и дверь закрыла.

«— Это что за сваха такая?» — спросил отец. Но взглянул на часы и поспешил вон.

Я хотел было следом за ним: от греха. Но слышу за дверью разговор идет тихий. Я немножко переждал и тихонько отворил дверь. Стал на пороге.

Ничего. Вижу: мать ее чаем угощает — еще чай со стола прибрать не успели. Та с блюдечка спокойно тянет и говорит:

«Да-с! А сынок ваш, сударыня, за моего Федю копейку спросил».

«— Без запросу» — говорит мать и улыбается.

«— То есть как? — и блюдечко на стол поставила. — Вот этот кавалер Федю моего в копейку ценит» — и тычет на меня пальцем.

Мать мне мигнула: молчи, дескать. А сама спрашивает:

«— Ну, а ваша цена?»

«— Как то есть цена?» — и вытаращила глаза на мою мать.

«— Вот говорите: копейку — это он малую очень цену поставил — вы недовольны. Так ваша какая будет цена? Рубль? Два с полтиной? Красненькая?»

Федина мамаша даже шаль с головы стянула и глазами заморгала.

«— Что это? А ты своего во сколько? Вот этого?»

«— Да он не теленок, я им не торгую».

«— А мой-то — гусь, что ли?» — и привстала, к матери присунулась. Думал, вцепится.

А мать говорит:

«— А коли не гусь, так зачем же дело стало? Нечего ни продавать, ни на сахар менять».

Та так и села. Глазами хлопает, молчит. Минуту добрую молчала, потом руки развела, опять свела.

«— Милая, да как же это у нас вышло-то..., что Федя-то — не гусь. Тьфу, что я... не тот... ну, как оно? Ох, да и грех! — и рассмеялась. — Ох, милая, да и что ведь Федя надумал уже: «— Дайте, говорит, мамаша, я его в воду невзначай спихну да и сам сейчас прыгну и пока что вытащу. Это, чтоб на квит вышло». А я говорю: «— Феденька, бойся ты теперь этой воды, сам гляди — утонешь, и, неравен час, он опять тебя же вытащит».

Нет, думаю, уж теперь не тащил бы: натерпелся я, уж пусть кто-нибудь, только боюсь я теперь утопленников.

Тут она стала мою мать целовать. Шаль накинула — и к дверям. «— Будем знакомы!»

А мать:

«— Сахар-то, сахар забыли».

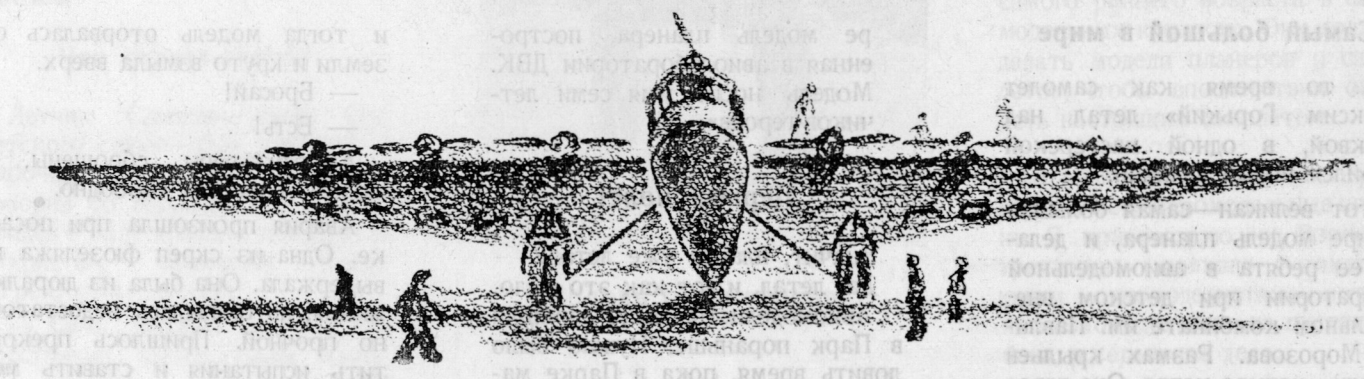
Гляжу: верно, голова сахару осталась на полу.

Я подал.

▼

А Федя стал к нам в гавань приходить рыбу ловить. Прозванье так за ним и осталось: Федя-утопленник. Давно это было. Теперь, пожалуй, в наших водах такого не выловишь.

КРЫЛАТЫЙ ДОМ



Стоит в поле дом, довольно большой дом, со своими электрической, телефонной и радиостанциями. В нем устроились очень удобно сорок человек: в доме всегда горячая вода, работает буфет.

Люди здесь живут и здесь же работают.

И вдруг, представьте себе, дом срывается с места, бежит со страшной быстротой по полю и взлетает в воздух.

Он летит над полями, над лесом, над другими, нелетающими домами, над улицами больших городов. А люди в нем продолжают работать: кто пишет, кто читает, кто работает у машин. Буфетчик отпускает бутерброды и горячий чай, радист сидит в своей радиобудке, машинистки—за пишущими машинками. Люди спокойно ходят по дому и совершенно не беспокоятся о том, что у них под ногами не твердая земля, а ветер и облака, воздух и туман.

Люди на земле слышат шум и видят летящую громадину. Они машут руками, платками и шляпами. Они кричат «ура» и читают вслух два слова, написанные на этой громадине большими буквами: «Максим Горький».

«Максим Горький»—флагманский корабль агитэскадрильи им. Горького, самый большой в мире сухопутный аэроплан, гордость второй пятилетки. Этот летающий дом-редакция весит 42 тонны и летит со скоростью 260 километров в час.

Когда «Максим Горький» стоит на земле, опираясь на свои огромные, двухметровые колеса, трудно поверить, что он может летать. Между колесами расстояние в 10 метров. Там может стоять, не задевая колес, пассажирский самолет «АНТ-1».

У «Максима Горького» под крыльями как под крышей может стоять толпа: ширина его крыльев—63 метра. Если поставить самолет боком на крыло, он будет выше потолка Большого театра.

Прежде чем самолет поднимется на воздух, пассажиры должны подняться на самолет; чтобы принять гостей, самолет вежливо открывает пол и опускает удобную лестницу с перилами. По этой лестнице пассажир проникает внутрь самолета и ходит по комнатам летающего дома. И как-то не верится ему, что он в самолете. Не сгибаясь, он ходит по коридору. Направо и налево двери в комнаты, в фотолабораторию, в каюты. Все эти комнаты и коридор помещаются в крыле.

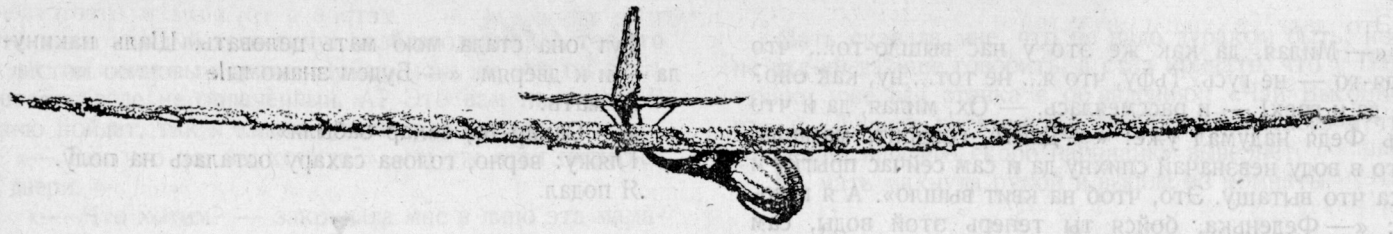
Пассажир ходит из комнаты в комнату. Он попадает в кафе, из кафе заходит в комнату отдыха. В ней стоят удобные, мягкие кресла, стоят столики, на столиках—лампы. Рядом с комнатой отдыха—кинобудка.

В любой пустыне «Максим Горький» может открыть кинотеатр. Стоит только развернуть около самолета экран и пустить киноленту.

Когда в Москву приехали челюскинцы, над Красной площадью приветствуя их, пролетел «Максим Горький». С ним рядом летели два самолета. Они казались совсем маленькими — моторные лодки при флагманском корабле.

Пролетая над Москвой, «Максим Горький» выпустил многотысячную стаю листовок.

А внизу, на московских улицах, каждый старался поймать первую печатную весточку с неба, первую посылку крылатого дома.



Е. РУБЦОВА

МОДЕЛЬ СЕМИ ГЕРОЕВ

Самый большой в мире

В то время как самолет «Максим Горький» летал над Москвой, в одной мастерской строился новый великан.

Этот великан—самая большая в мире модель планера, и делают ее ребята в авиомодельной лаборатории при детском внешкольном комбинате им. Павлика Морозова. Размах крыльев модели—четыре метра. Она вдвое больше самых крупных моделей, какие строились до сих пор. Такой большой размер позволил ребятам сделать ее похожей по конструкции на настоящий самолет.

Славной модели—славное имя

Модели предстоит совершить подвиг. Она должна побить мировой рекорд дальности полета. А это не так просто. Для этого нужно пролететь больше восьми тысяч метров. Пущенная на старте и подхваченная воздушным потоком, она скроется из глаз, и, чтобы добраться до места посадки, придется идти около двух часов хорошим, красноармейским шагом.

Восемь километров — это не шутка.

Не даром модель носит славное имя семи летчиков—героев Советского союза.

Но это будет потом, а пока в маленькой газете «Пионер «Трехгорки» большими буквами напечатано:

«Срочное сообщение.

Вчера в Парке культуры и отдыха Красной Пресни испытывалась самая большая в мире модель планера, построенная в авиолаборатории ДВК. Модель носит имя семи летчиков-героев».

Первый полет

Значит, планер уже летал?

Да, летал, и вот как это было.

Авиомоделисты ДВК пришли в Парк пораньше. Нужно было ловить время, пока в Парке мало людей, а то, если кто-нибудь, зазевавшись, попадется на пути модели,— не сдобровать разине!

Но даже и в этот ранний час оказались зрители и среди них одна «жертва»: к пущенной модели подскочил слишком близко какой-то мальчик. Конец крыла задел за ногу мальчика у щиколотки. Наткнувшись на преграду, планер легко сделал «циркуль», поворот другим крылом, и полетел дальше. А на ноге у мальчика от этой мимолетной встречи вздулась большая шишка.

Первый раз планер был пущен с руки. Великан летел низко, над самой травой. Скорость и сила были такие, что крылья его косили траву. Срезанные метелки и зелень ложились на белые крылья и, подхваченные воздушной струей, слетали прочь.

Это был настоящий «бреющий» полет. Приземлился планер плавно и хорошо.

Предательская скрепа

Второй полет был с амортизаторов. Модель держал инструктор Зюрин. Белые крылья четко выделялись на траве. Двое ребят натягивали амортизаторы. Резина вытянулась в тугую струну— и тогда модель оторвалась от земли и круто взмыла вверх.

— Бросай!

— Есть!

Амортизаторы сброшены, и модель полетела свободно.

Авария произошла при посадке. Одна из скреп фюзеляжа не выдержала. Она была из дюралюминия, но оказалась недостаточно прочной. Пришлось прекратить испытания и ставить модель в срочный ремонт.

Он будет летать еще лучше

Геня Лисовский, Витя Иванов и Коля Виноградов—вот ударная тройка строителей. С ними работал инструктор Зюрин.

Вот уже несколько дней ребят не выгонишь из лаборатории. Они сумели извлечь из аварии урок. Модель получит новый фюзеляж, другой конструкции, еще более прочный и красивый.

— Модель будет летать еще лучше! — говорят ребята.

Бригада за работой

Строители гордятся своим детищем. Модель не только самая большая, но и очень легкая. Самолет или планер считается тем лучше, чем больше он может поднять груза по сравнению со своим весом. В этом отношении модель оказалась первой не только среди моделей, но и среди настоящих планеров: планер может поднять летчика весом в 70 килограммов, если сам планер весит 130 килограммов, а модель-великанша поднимает столько груза, сколько весит сама.

Это даст ей хорошую устойчивость в воздухе, способность хорошо летать.

Чтобы добиться этого, ребятам пришлось хорошо изучить сравнительную прочность различных материалов, хорошо знать законы полета, сопротивления воздуха, действия воздушных потоков и много других сведений, которые нужны не только авиомоделисту, но и настоящему инженеру, строителю настоящих самолетов и планеров для Советской страны.

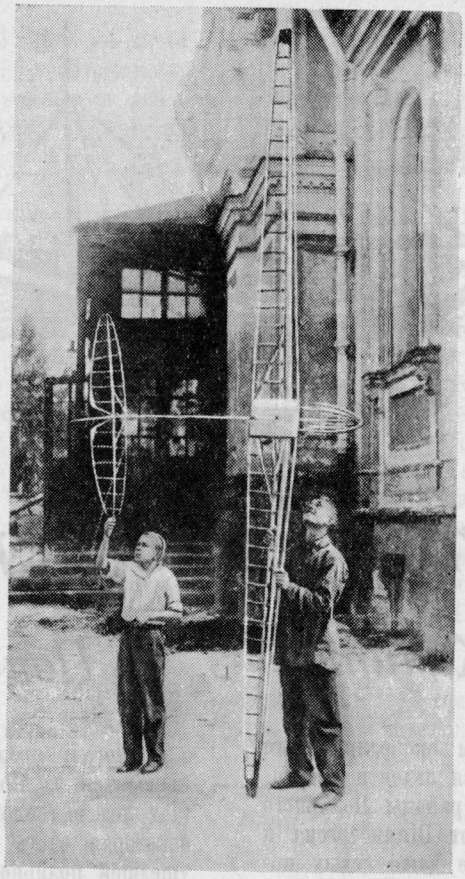
Геня Лисовский говорит:

— Чтобы построить хорошую модель, нужно быть и слесарем, и плотником, и математиком, и чертежником. И притом уметь работать точно, акуратно и прочно.

Что сказал герой?

Летчик Слепнев—герой Советского союза—был в гостях у рабочих «Трехгорки». Он долго говорил со взрослыми, а потом, увидев в зале красные галстуки и вихрастых загорелых ребят «Трехгорки», сказал:

— Семь человек летали на расстоянии шести тысяч километров с трудным и ответственным заданием. Они никого не убили, машин не поломали, всех спасли и вывезли со льдины не только людей, но и собак.

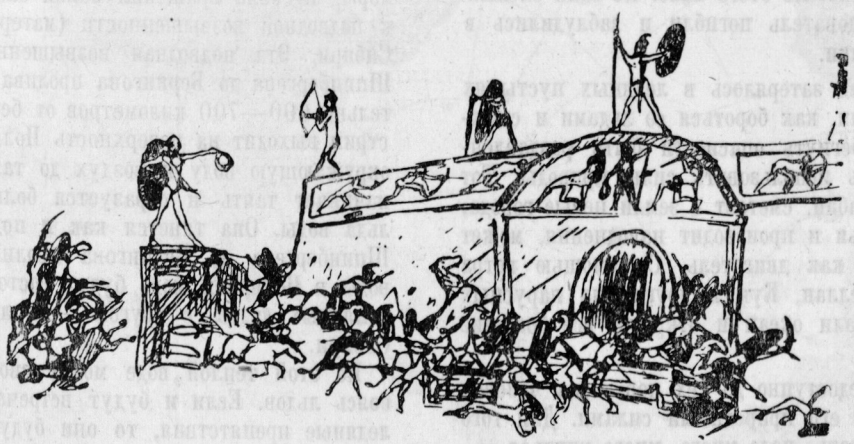


Модель семи героев.

Задание было выполнено. Но в Арктике предстоит еще много работы. В нашей стране есть огромные пространства, которыми надо овладеть. Нашим авиаторам нужна смена, такая смена, которая сумеет совершить еще более трудные полеты чем те, которые сделали мы.

Авиация идет вперед, и для того чтобы быть хорошим летчиком, одной смелости мало: нужны знания. Эти знающие и смелые люди должны воспитываться с самого раннего возраста в авиомодельных кружках. Они должны делать модели планеров и самолетов, чтобы впоследствии овладеть настоящим самолетом.

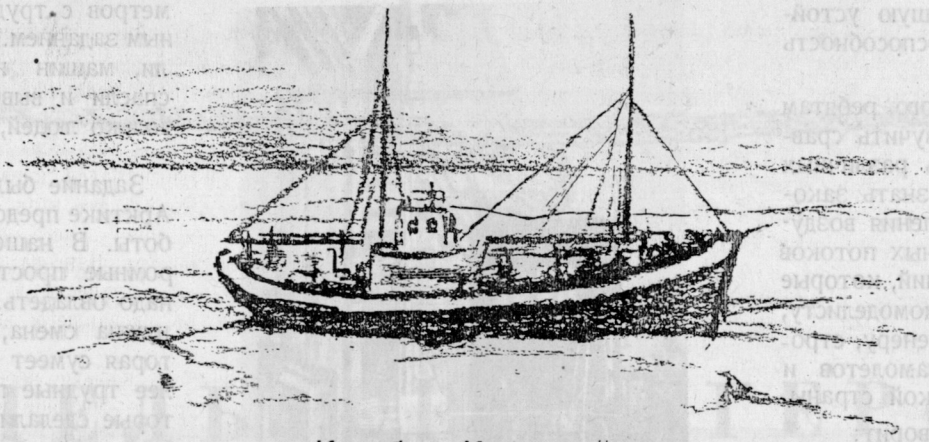
Я знаю, что у вас, на «Трехгорке», есть авиомодельные кружки. Я приветствую их. Взрослые трехгорцы должны помогать юным авиомоделистам, потому что *авиомоделизм—не пустая забава, а серьезное дело.*



Восстание рабов в Риме

Две тысячи лет назад в Риме рабы восстали против патрициев. Поводом к восстанию послужило бегство 74 гладиаторов из гладиаторской школы в Капуе. К восставшим присоединилось около 10 тысяч рабов—пастухов и земледельцев. Вождем и организатором восставших был раб и гладиатор Спартак.

На рисунке: 11-летний художник Никита Фаворский изобразил битву восставших рабов с римскими легионерами, в которой был убит Спартак.



Корабль „Книпович".

По пути Гольфстрима

Капитан С. В. Попов

Я долгое время командовал маленьким экспедиционным кораблем «Книпович». Я никогда не боялся льдов и уверенно направлял корабль в неисследованные районы Полярного моря. Наши смелые плавания к северу от Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа вызывали удивление даже седых полярников, которые знали размеры корабля и силу машины: наш корабль был в сто раз меньше ледокола «Красин» как по размерам корпуса, так и по мощности машины. Однако в 1932 г. мы обошли на нем вокруг архипелага Земли Франца-Иосифа который считался непроходимым даже для сильных ледоколов.

Чем же можно об'яснить причину успехов смелых экспедиций на «Книповиче» да еще в неисследованном Полярном море?

Как можно победить Полярное море?

Прежде всего нужно быть смелым и уверенным в том, что Полярное море проходимо. Но этого мало. Не один смелый моряк и полярный исследователь погибли и заблудились в широких просторах Арктики.

Много кораблей и людей затерялось в ледяных пустынях Севера, когда они не знали, как бороться со льдами и снежными бурями. Чтобы избегнуть опасности быть раздавленными льдами, надо уметь использовать силы природы. Тот ветер, который топит корабли, сметает с земли целые города, вырывает с корнем деревья и производит наводнения, может быть также использован как двигатель. С помощью ветра знаменитые Колумб, Магеллан, Кук и другие на парусных кораблях смело переплывали океан и открыли все большие земли.

Полярное море будет недоступно до тех пор, пока человек не научится пользоваться его природными силами. Для того чтобы уметь их использовать, надо много, много учиться.

Когда я понял, что Полярное море нельзя взять одной храбростью, я временно оставил «Книповича» и приехал в Москву. Здесь я стал работать научным сотрудником Государственного океанографического института. Несколько зим я изучал свойства воды, льда и ветра Полярного моря, а лето проводил в плавании.

Еще не так давно, когда моряки плавали на парусных судах и не знали ледоколов с их мощными машинами до 10 тыс. сил, многие ученые, как например М. В. Ломоносов, Петерман, Врангель, Макаров и др., говорили, что Полярное море проходимо для кораблей. Можно плавать на кораблях Полярным морем из Атлантического океана в Тихий, к Берингову проливу. Каждый год половина полярного льда выносится из Полярного моря в Атлантический океан. Там тает лед в теплой воде океана. Вместе со льдом выносится некоторая часть и холодной воды Полярного моря. Взамен ушедшей полярной воды и льдов из Атлантического океана поступает теплая вода, которая известна под именем теплого течения Гольфстрим (Гольфштрем). Эта соленая и теплая вода, пришедшая от экватора, по весу будет несколько тяжелее, чем легкая и сравнительно пресная вода Полярного моря, и потому она опускается книзу и идет на некоторой глубине от поверхности моря. На карте видно, что это теплое течение, подойдя к Шпицбергену, идет не прямо к полюсу, а отклоняется вправо, на восток, и достигает Берингова пролива.

Это получается потому, что земля наша вращается и заставляет теплую воду Гольфстрима отклоняться к берегам Азии. Так как Гольфстрим идет по глубокому Полярному морю, то сила вращения земли заставляет его прижиматься к подводной возвышенности (материковая отмель) у берегов Сибири. Эта подводная возвышенность тянется от самого Шпицбергена до Берингова пролива на расстоянии приблизительно 600—700 километров от берега. Благодаря ей Гольфстрим выходит на поверхность Полярного моря. Он нагревает окружающую воду и воздух до такой температуры, что лед начинает таять и образуется большая лента свободной от льда воды. Она тянется как и подводная возвышенность от Шпицбергена до Берингова пролива. Берега такой теплой воды в Полярном море будут состоять, с одной стороны, из полярных льдов, с другой — из льдов, лежащих у берегов Сибири.

По этой теплой воде могут свободно ходить корабли, не боясь льдов. Если и будут встречаться случайно небольшие ледяные препятствия, то они будут очень и очень слабые, легко проходимые кораблями.

Так как полярный лед образовался из соленой морской воды, то он будет много слабее благодаря присутствию соли чем крепкий и прочный пресноводный лед, расположенный у берегов Сибири. Этот морской путь вдоль теплой воды Гольфстрима я назвал «Северовосточным проходом высокими широтами». Им можно пользоваться в летнее время, следуя из Атлантического океана в Тихий. Этим путем могут проходить не только мощные ледоколы, но всякий корабль, как например «Книпович». На карте этот путь обозначен сплошной длинной линией со стрелкой. Этот путь будет лежать севернее всех полярных земель, которые известны человеку в настоящее время. Им можно пройти из

Атлантического океана в Берингов пролив. У меня на карте линия проведена не через Шпицберген, а идет от Мурманска. Мурманск — морской порт — тоже не замерзает целую зиму, несмотря на то что он лежит далеко за полярным кругом, на 70-м градусе северной широты. Здесь климат мягче чем в Архангельске, где зимой все Белое море бывает покрыто льдом. Это получается потому, что у берегов Мурмана проходит Гольфстрим и делает море доступным для плавания круглый год.

В Полярном море имеются еще неоткрытые земли и острова.

На карте они у меня тоже показаны справа и слева от линии пути между Землей Франца-Иосифа и Северной землей. Левая земля за 83½ градусом северной широты, ближайшая к полюсу, должна быть очень большая. Она имеет то значение для морского пути, что отклоняет Гольфстрим вправо, на юговосток. Поэтому Гольфстрим так близко и подходит к Берингову проливу. Правые острова от линии пути заставляют Гольфстрим совершенно подняться на поверхность моря. Здесь так иногда бывает жарко, что кажется, будто бы находишься на юге. Так, доктор Аргольд, участник экспедиции Вилькицкого, рассказывает: когда они на экспедиционных кораблях «Таймыр» и «Вайгач» открыли в 1913 г. Северную землю и высадились на берег, то температура воздуха была настолько высокая, что пришлось снять кожаные куртки и остаться в одних кителях, но даже в них было жарко: термометр показывал 18 градусов тепла несмотря на конец августа и 80-й градус северной широты. Такое тепло может быть только там, где проходит теплое течение Гольфстрима.

Наш «Книпович» к северу от Шпицбергена и Земли Франца-Иосифа, около 82-го градуса северной широты, тоже обнаружил это теплое течение, где температура воды была 4 градуса тепла. Поэтому нам никогда не было страшно плавать в высоких широтах. Не изучая Полярного моря, можно бы подумать, что здесь случайно оказались теплая вода и такая жара.

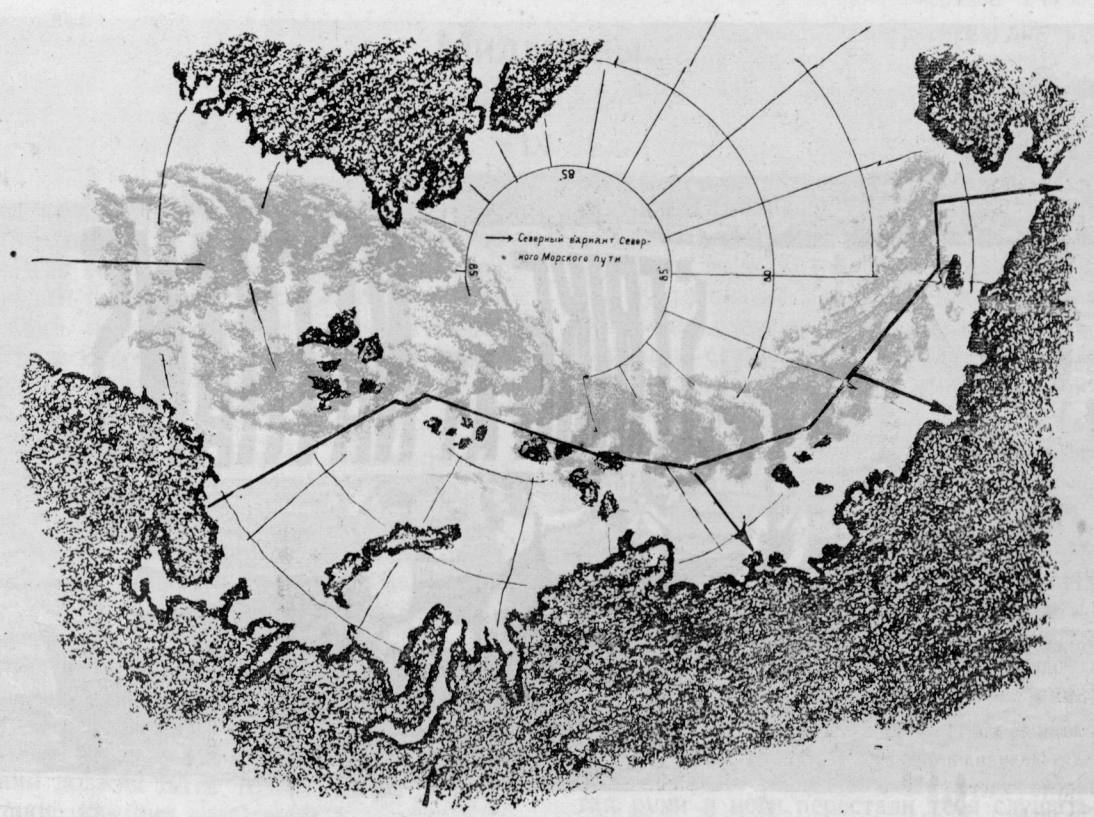
40 лет назад известный полярный исследователь Нансен построил корабль, который не боялся сжатия льдов. Днище этого корабля было круглое как яйцо. Когда льды начинали сжимать корабль, он поднимался кверху вместе со льдом. Нансен назвал его «Фрам». На этом корабле он пошел к берегам Сибири и намеренно замерз во льдах около Новосибирских островов. Корабль Нансена носило во льдах три года, пока, наконец, не принесло к Шпицбергену. Здесь «Фрам» освободился от сковавшего его льда и ушел на родину.

Это первое плавание на корабле через Полярное море показало, что на 86-м градусе северной широты (самая северная широта, которой достиг «Фрам») много теплее зимой чем у берегов Азии. Там было много чистой воды, где резвились стада китов, моржей, тюленей. На воде плавали большие стаи птиц, служивших пищей морякам. Такая богатая и разнообразная животная жизнь чуть не у полюса об'яснялась тем теплом, которое приносил сюда Гольфстрим.

Вот у берегов Сибири, где погиб «Челюскин», идет холодное полярное течение, поэтому климат там холоднее чем на 86-м градусе северной широты, где был «Фрам». Вода там замерзает даже при небольших морозах, потому что она почти пресная и мало содержит солей. Лед там движется около мелководных берегов и островов. Когда корабль попадет в эти ледяные поля, то они его легко могут сжать и раздавить. Поэтому лучше пользоваться теплыми течениями и плавать вдали от берегов.

Это прекрасно понял известный полярный американский исследователь Вилькинс. Он думает пройти от Шпицбергена до Берингова пролива на подводной лодке.

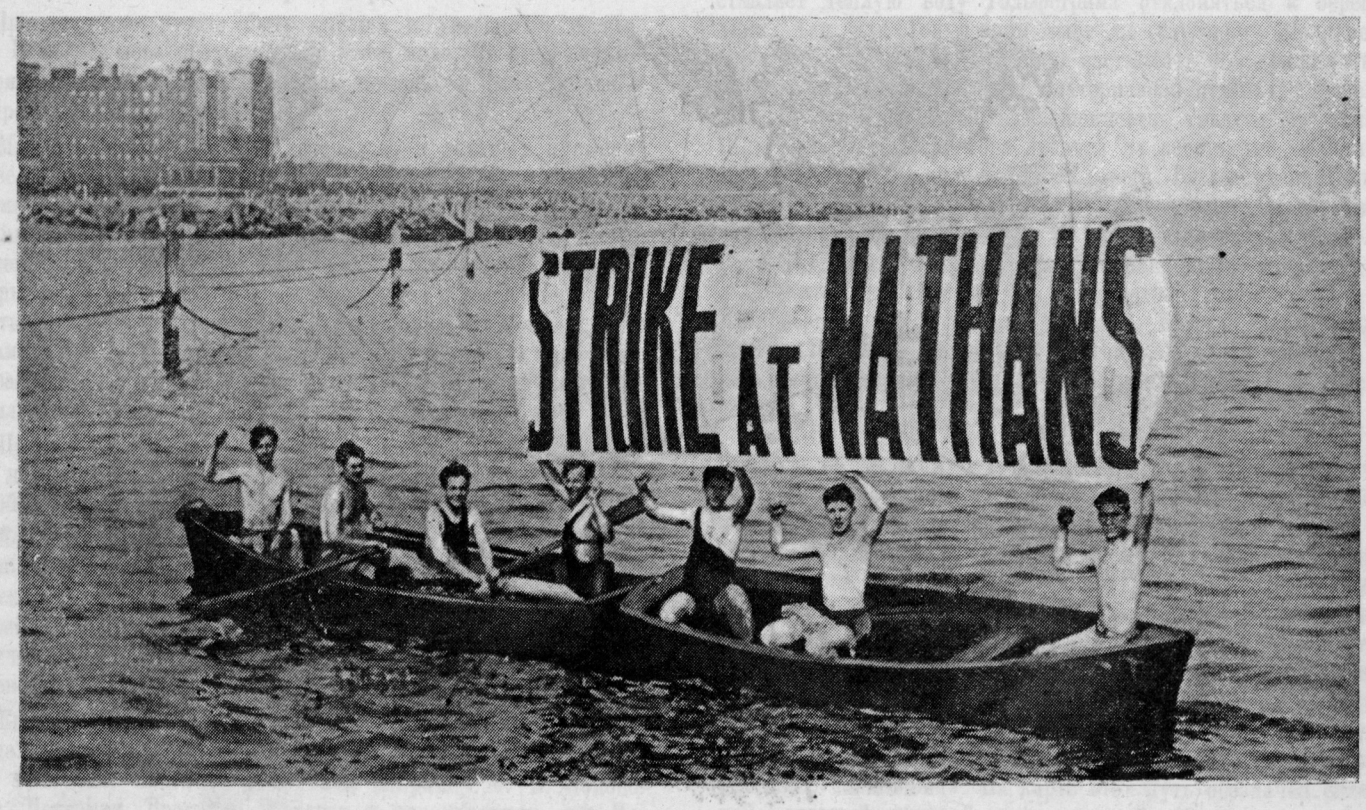
Полярное море мало исследовано, и работы там погорло. Только нужна смелая и энергичная молодежь, которая любила бы науку и серьезно относилась бы к изучению нашего Севера.



Сплошная линия со стрелкой—это морской путь вдоль теплой воды Гольфстрима.

Нью-Йорк

Над Нью-Йорком, взметая тучи пыли, пронесся ураган. Посмотрите на фотографию: громадный небоскреб еле виден за песчаной завесой.



Недавно в Нью-Йорке забастовали ресторанные служащие. Полиция запретила им устраивать демонстрацию на улицах города. Тогда забастовщики устроили демонстрацию на воде: с плакатами и лозунгами они проплыли возле самого берега Острова развлечений в Нью-Йорке.

Лагерь на Вокше

Повесть Г. Замчалова

Рис. П. Кузмичева

Всхлипывая после бурного плача, Шура жаловалась Виктору Павловичу сама на себя.

Миллионы

(Продолжение)

IX

Мертвый час скоро должен был кончиться. Феде пришлось пойти в палату и лечь. Степа и думать об этом не хотел. Он еще повертелся вокруг сеновала, потом с горя пошел побродить в лесок. Чтобы не попасться кому-нибудь на глаза, он отправился в самый дальний конец полуострова, где лесок состоял из молодых елок, густо росших на спуске к реке.

Степа шел по тропинке.

Вдруг ему показалось, что кто-то разговаривает. Кто-то даже плакал или смеялся — не разберешь.

Он осторожно, на цыпочках, подкрался и скоро увидел такую картину: под елкой, в крапиве, сидела Шура с красными, распухшими от слез глазами. Напротив Виктор Павлович. Всхлипывая после бурного плача, Шура жаловалась ему сама на себя. Она, наверно, недоумка: ничего она не умеет делать, ничего у нее не выходит. Они с братом Степой позорят весь лагерь. Ребята с ней возятся, помогают, а она как дура ничего не понимает. И зачем занимать зря место в лагере? Пионерами должны быть только самые лучшие ребята, а не такие как они со Степой.

— Но с чего ты взяла? — удивлялся Виктор Павлович. — Кто тебе все это вбил в голову, скажи, пожалуйста? Пионерка ты отличная: умница, серьезная. дисциплинированная...

Ну вот, и он тоже! Зачем же он говорит неправду? Как будто она не знает. И в школе и тут, что бы она ни начинала делать, все у нее не получается: выбрали палатным старостой — ребята ее не слушают; в читальне стала рассказывать, что написано в «Великом плане» — все разошлись; в драмкружке она слова не может сказать как следует; в физкультуре всю пирамиду испортила. Ну разве не глупая?

— Ну знаешь, голубка моя, ты действительно дура, только не так, как ты думаешь, а с другого конца. Ты вбила себе в голову, что глупее и негоднее тебя нет на всем свете, — ну ясно, что у тебя и не выходит ничего. Вот скажи: когда ты испортила эту пирамиду, ты, наверно, думала, что у тебя не выйдет, что ты испортишь все? Ведь думала?

— Ага!—сказала Шура, вдруг улыбнувшись.—Я боялась очень.

— Вот! Поэтому ты и испортила. Как подумала, так руки и ноги перестали тебя слушаться. Так же и язык перестал слушаться, и все тело, и даже мозги. Ты знаешь, был один такой математик, очень талантливый ученый. Один раз он заболел, и какой-то болван сказал

ему, что от этой болезни у него может испортиться что-то в мозгу. Ученый испугался и стал думать, что теперь он не сможет работать, математикой своей заниматься. И что же ты думаешь? Болезнь прошла, а он разучился считать. Спросят его: «Пятью пять сколько?» Он думает, думает. «Нет, — говорит, — не могу, пропал я совсем». И так продолжалось целый год. А знаешь, как его вылечили? Один профессор сказал ему: «Придется вам сделать операцию. Она совсем неопасная. Через пять дней вы сможете встать. Череп мы вам снимать не будем, а только продолбим маленькое отверстие и снимем маленький нарост в передней части мозга. Это пустяки — вот увидите. За успех я ручаюсь». И вот положили математика на операционный стол и усыпили хлороформом, чтобы он ничего не слышал. Профессор сделал ему небольшой разрез на лбу и тут же зашил да еще положил повязку из марли, чтобы он потом видал, что операция была произведена в самом деле. Когда математик очнулся, профессор сказал ему: «В течение пяти дней вам нельзя будет ни пить, ни есть, ни шевелиться. А главное, ни с кем не разговаривать вслух, даже с самим собой. Что поделаешь, придется потерпеть. Но зато через пять дней вы встанете совершенно здоровым». Через пять дней математик, худой и бледный от голода, влетел к профессору в кабинет и заорал как помешенный: «Дорогой профессор, спасибо вам! Вы мне спасли жизнь! Вы знаете, я теперь не то что пятью пять, — я могу вам наизусть сказать любую формулу высшей математики. Ах, как я вам благодарен!» «Не стоит, — ответил профессор. — Это наша обязанность помогать больным».

Лицо у Шуры сделалось такое, как будто она сразу три порции мороженого с'ела.

— Виктор Павлович, так, правда, было?

— Я не люблю врать. Так вот. Ты, Шура, такая же, как и все ребята, во многих отношениях даже лучше. Вот попробуй делать так, как я говорю, и ты сама увидишь.

— Я уже пробовала, все равно ничего не выходит.

— Так ведь ты как пробовала? Небось, пробуешь, а сама потихоньку думаешь: «Нет, наверно, и все-таки не выйдет». Так ведь?

— Ага, я всегда так.

— Ну вот. А надо так: все делают, значит, и я смогу, даже лучше еще. Ведь ты же не урод. Руки, ноги у тебя здоровые, сама ты большая, сильнее всех девочек. А по уму — я прямо скажу — ты одна из самых умных из всего лагеря.

— Виктор Павлович, а можно мне работать, где я захочу?

— Вот чудачка! Мы только об этом и хлопочем, чтобы каждый из нас занимался тем, что он любит и к чему больше всего способен. Беда только, что мы не всегда умеем нащупать это у ребят, а сами вы тоже не знаете. Конечно, можно.

— Нет, а если такое... Ну, не очень хорошее. У нас все хотят быть артистами, художниками, инженерами, физкультурниками. А я не люблю этого. Я в пионерский контроль хочу. На кухне и к завхозу, чтобы проверять продукты. Я умею это. У нас мама всегда хворает, так я сама все покупаю и готовлю. Только дома это неинтересно, а тут для всех... для ребят. Мне очень хочется, Виктор Павлович...

Виктор Павлович встал.

— Ну, я же говорю: ты чудачка! Чего же ты нашла тут плохого? У нас в контроле ребята как раз неважные: только и думают, как бы на кухне стянуть что-нибудь. А ты будешь вполне на месте. Отлично! Как это мне раньше не пришло в голову? Сегодня же поставлю об этом вопрос. А сейчас пойдем, я тебе покажу, какая ты неумелая.

Шура тоже встала. Оба, веселые, довольные, пошли в столовую.

Степе пришлось удрать. «Нет, он все-таки не дурак, этот Виктор, — подумал он через десять минут, становясь на линейку. — Ловко под'ехал к Шурке. А она-то, слониха! Распустила губы и ревет...»

X

Совет начался с обсуждения вызова Алексеевского лагеря. Алексеевцы предложили заключить договор на соревнование по шести пунктам:

1) добиться того, чтобы сбор на линейку продолжался не больше одной минуты;

2) довести чистоту в палатках, на площадках и по всему лагерю до того, чтобы придирчивый врач сказал, что оба лагеря имеют вполне культурный, здоровый вид;

3) добиться того, чтобы все пионеры выполняли общественно полезную работу;

4) добиться того, чтобы не только отряды, но каждое звено имело точный план работы на десятидневку и акуратно его выполняло;

5) поднять общую дисциплину в выполнении режима дня. За столом и на линейке должна быть абсолютная тишина. В мертвый час все должны спать;

6) добиться того, чтобы к концу лагерей каждый пионер прибавил в весе не меньше килограмма.

Ребята очень серьезно и горячо обсуждали каждый пункт. Степе это было так же интересно, как вопрос, растут ли на луне розы. Поэтому он не слушал, а обсуждал свое: как все-таки пробраться в генеральский подвал сегодня же.

Вторым вопросом в повестке стоял вопрос о поднятии пионерского авторитета в колхозе. Степа встал и сказал:

— Мы обещали колхозным пионерам, что завтра придем помогать им в работе. Вот вам и авторитет. Чего тут обсуждать?

Ребята посмотрели на него как-то подозрительно и принялись азартно повторять то, что говорил на линейке начлагеря. А в конце концов постановили то же самое: 1) завтра всем лагерем отправиться в колхоз и помочь в уборке. Работу делать, какую укажет колхоз, только невредную для ребят; 2) вечером устроить в колхозе завалинку, а к ней сегодня же подготовиться; 3) дополнить договор пунктом о постоянной связи с колхозными ребятами.

Наконец, Катя Самарина об'явила:

— Последний вопрос — о Степе Зубкове. Дежурный по лагерю предложил его из наших рядов исключить. Кто хочет сказать по этому поводу?

Стало напряженно тихо. Никто не хотел начинать первым. Ребята косились на Степу. Передние украдкой оглядывались. По лицу Кати Самариной видно было, что она будет говорить много и резко против Степы. Но ей тоже, видно, было неудобно начинать. Тогда взял слово Костя Шутов:

— Ребята! Конечно, выгонять товарища из своей среды неприятно. Я понимаю. Но мы во что бы то ни стало должны добиться у себя железной дисциплины. Это — первое, что отличает пионеротряд от простого сборища мальчиков и девочек. Будет ли Зубков подчиняться такой дисциплине? Я утверждаю, что нет. Не только сам не будет, но он еще и других будет втягивать в озорство. Ведь у нас только месяц времени. За

Слово взял Костя Шутов.

этот месяц он, кроме вреда, ничего нам не принесет. Он как заразная болезнь: вот Федя Савенков повелся с ним — и что мы видим? Он уже почти хулиган. Витя Дмитриев один—два дня походил с ним — и уже получил выговор. Тут никакой жалости и стеснения быть не может. Вы знаете, как в таких случаях поступают животные? Если в стаде заболеет корова, скажем, сбесится, остальные беспощадно бодают ее до тех пор, пока не прогонят совсем вон из стада. Они этим защищают свою жизнь, иначе она их всех тоже заразит бешенством, и они погибнут. А для нас дисциплина — все равно что жизнь. Кто этого не понимает, тот никудышный пионер.

Костина речь даже Степу проняла. Он сейчас же встал и попросил слова. Все ожидали, что он как всегда будет врать, хитрить и оправдываться или прикинется робким паинькой, с которым все эти прорухи как-то нечаянно случались и больше, конечно, не повторятся. Но он сказал коротко и просто, только глуховатым от волнения голосом:

— Ребята, я прошу: не исключайте меня. Не могу я сейчас уходить, нельзя мне. Хоть на три дня оставьте. Честное слово, вы ни разу не скажете про меня плохого. Может, еще хвалить будете.

Первый раз это его «честное слово» было по-своему убедительно. В нем было что-то новое и, безусловно, искреннее. Но, к сожалению, после костиной речи оно уже никого не могло тронуть. Не успел Степа сесть, как больше десяти пионеров потребовало слова. Начали «бодать». Все старые и новые степины грехи выплыли наружу.

Кто организовал ребят скопом запруживать улицу и останавливать автобусы? Он.

Кто «нечаянно» бил девочек волейбольным мячом так, что они с ног валились? Он.

На линейку всегда опаздывает кто? Он.

Салазки загибает маленьким кто? Он...

Это продолжалось с полчаса. Если бы каждое выступление оставляло на Степе хотя бы столько копоти, сколько от керосинки дома, то к концу он сделался бы черным как трубочист. Ни одного «за»! Все выступали только против и требовали только одного—исключить. Один Федя попытался что-то сказать в защиту, но он так мямлил и столько рылся в своей книжке, что его осмеяли и усадили на место. Тогда взяла слово Катя Самарина:

— Теперь я тоже хочу сказать.

Степа пригнулся так низко, что лица его не стало видно. Уж от этой ничего хорошего ждать нельзя. Но вдруг... Что это? Он услышал совсем не те слова, какие она должна была сказать:

— По-моему, ребята, так тоже нельзя: все одно плохое. Когда мы ехали сюда, помните, мотор в лодке испортился. Кто тогда согласился поплыть на тот берег в село? А тут грибов белых и малины кто больше всех приносит? Мы, небось, почти всю сами с'едаем, а он никогда ни одной не тронет. По-моему, его можно еще не исключать. Дадим ему последнее предупреждение и посмотрим: если не исправится, тогда уж исключим.

Миша Садовников тоже сказал «за». Он хотел ловко поддеть Костю насчет дисциплины у нас и в царской школе, но у него как-то не вышло. Тогда попросили слово сразу Костя и Виктор Павлович. Костя еще резче повторил то, что он уже сказал, и высмеял Катю за малину: подумаешь, мол, подвиг. С этого подвига начал и Виктор Павлович.

Он несогласен с Костей по поводу малины. Дело тут не в малине, а в том, что парень умеет свои интересы складывать в карман ради общих. Много у нас таких? Прямо скажем: нет. Даже самые большие ребята на этих пустяках срезываются.

«Нет, дурак все-таки, — думает Степа о Викторе Павловиче. — Я для всех, что ли, старался? Очень нужно. Просто интересно, когда полную корзинку принесешь и всем носы поутираешь».

— Теперь о Зубкове. Верно, взяться за него надо. Но, конечно, не так, как советует Костя. Миша прав: у нас не царская школа. Мы дисциплину устанавливаем сами для себя. Зачем? Тут Костя допустил грубую ошибку. Мы все-таки не коровы, а? Как вы думаете?

Все засмеялись:

— Правильно! Верно!

— Да еще не просто люди, а пионеры. Для чего у нас существуют и лагерь, и отряды, и вообще все пионердвижение? Чтобы воспитывать новых людей, коммунистов. А разве мы воспитаем Зубкова тем, что просто возьмем да выгоним его? В сущности, какие у него недостатки? Он парень смелый, находчивый и очень ловкий. Что, плохо это? Наоборот, каждый из нас хотел бы быть таким. Значит, остается одно: недисциплинированность, то, что он эти хорошие качества направляет на глупые, хулиганские выходки.

«Сам-то ты умный, — огрызается Степа про себя.— И что им далась эта дисциплина? Как будто мы красноармейцы на войне».

Больше он не слушает. Скучно. Он тысячу раз слышал эти рассуждения: раньше, мол, все интересное запрещалось или было недоступно бедным, поэтому люди озоровали. Теперь же запретными похождениями могут заниматься либо вредители либо несознательные. А что интересного заниматься тем, что позволяют?

Наконец, вот оно, постановление:

«1. Исключить Зубкова временно, на три дня. Запретить ему в эти дни носить пионерский галстук и выходить за пределы лагеря, даже с отрядом. Об'явить, что в эти дни ему необязательно являться на линейку и выполнять весь режим дня.

2. Немедленно начать индивидуальное и лагерное соревнование по всем пунктам договора, особенно по режиму и дисциплине».

Степа пришел в полный восторг: «Пожалуйста! Вот чудаки, мне же лучше сделали. Целых три дня я праздновать буду. Нет, молодец все-таки Виктор: это он провел».

Когда расходились, Виктор Павлович сказал Феде:

— А у тебя, голубчик, дело-то похуже чем у Зубкова. Ты озорник спокойный, неувлекающийся. Это гораздо опаснее. Ты прекрасно рисуешь, но до сих пор не сделал ни одного рисунка, даже для стенгазеты. Очень способный радист — и почти не заглядываешь в радиокружок.

— Потому что надоело. Пристают все: «У тебя талант — ты должен рисовать. У тебя талант — ты должен заниматься радио». Как будто я виноват. А если бы у меня открылось еще десять талантов, тогда бы меня совсем загрызли, да? Вот не буду ни за что.

— Ну смотри, тебе виднее. Я только боюсь, хуже бы не получилось.

— Погодите, — сказал Степа, подмигивая товарищу. — Скоро, может, вы еще скажете, что мы с Федей получше всех.

Виктор Павлович уже отошел далеко. Вдруг Федя испуганно закричал:

— Виктор Павлович, постойте! Вы как сказали: спокойный хулиган опаснее... кого?

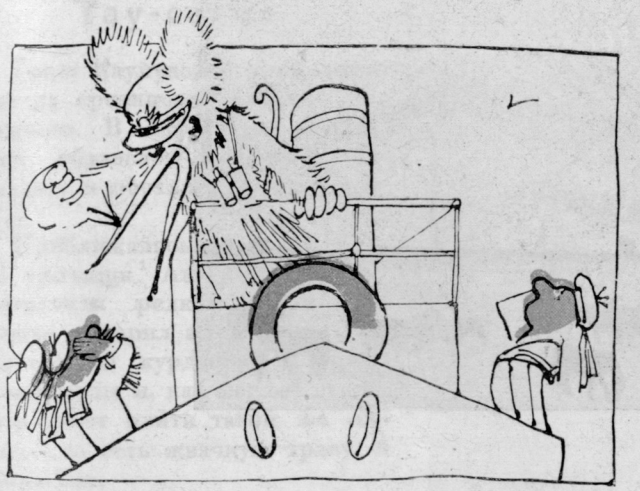
— Ну, такого, который увлекается, горячего.

Федя схватил карандаш, книжку и записал.

(*Продолжение следует*)

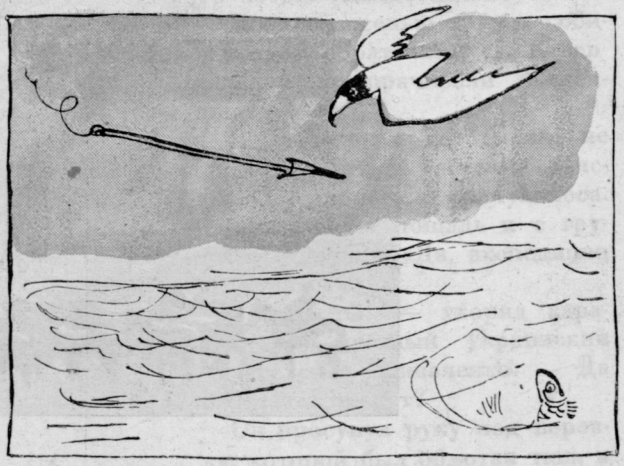
Тут-Итам—капитан

Рис. А. Каневского

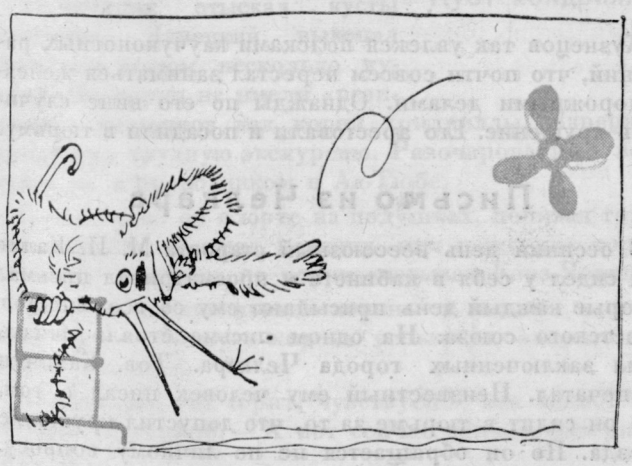


1. К полюсу! В Арктику! Затмим славу Шмидта и Нансена! — гаркнул Тут-Итам с капитанского мостика.—Зюд-норд-вест! Полный ход!

— Есть, капитан! — закричали матросы.

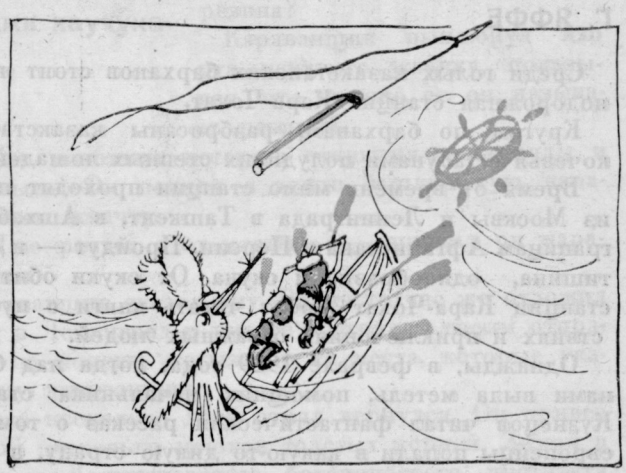


2. — Есть... А что же мы будем есть? Мы забыли в порту провиант!—сказал Тут-Итам.—Э, не беда! Вон селедка плывет. Из гарпунной пушки по селедке — пли!



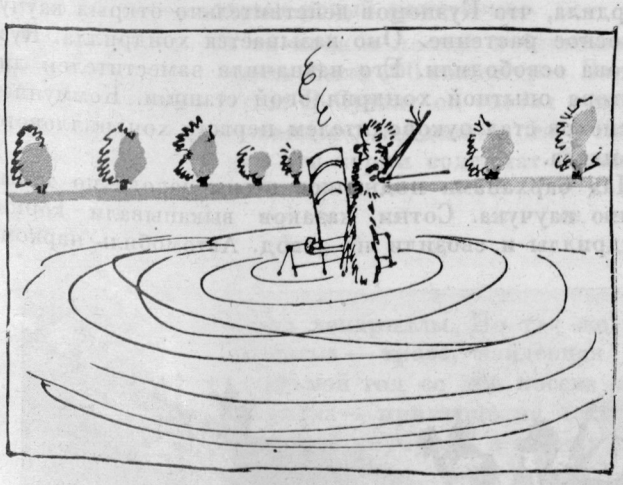
3. От выстрела дрогнул корабль. В воздух взлетел оторвавшийся винт.

— Скандал! Аврал! — закричал Тут-Итам.



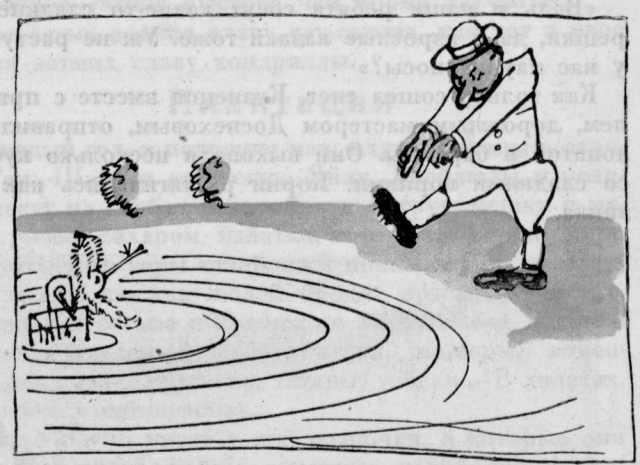
4. — Шквал сорвал штурвал! Пробоина, тонем! Ложись в дрейф! — отдал приказ Тут-Итам.

Но матросы давно уже сдрейфили и лежали на палубе, вцепившись друг в друга.



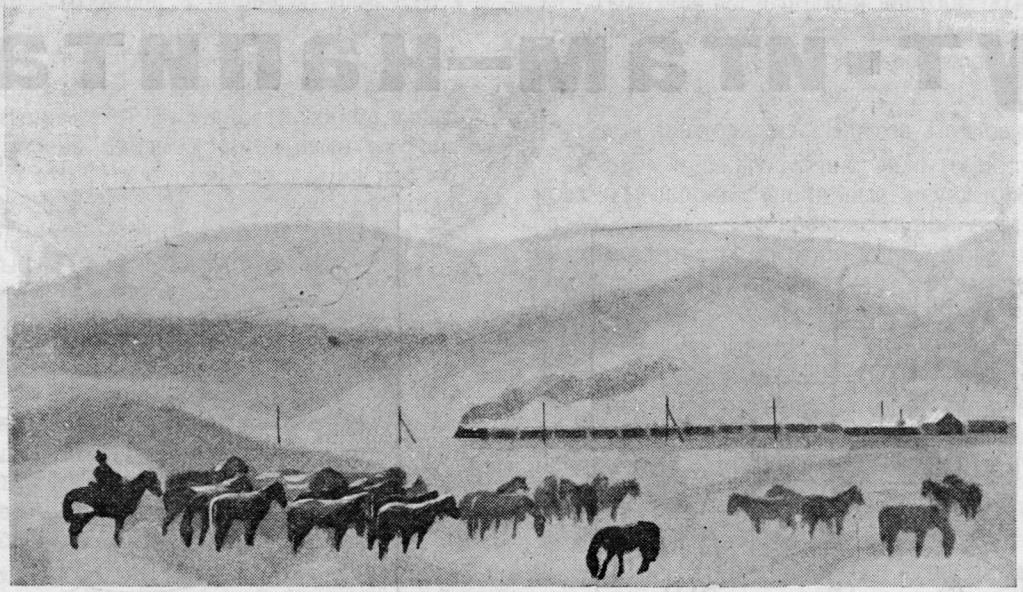
5. Корабль тонул. Матросы, худея от ужаса, бросились к спасательным кругам.

— Sos! sos! sos! — неслось над водным простором.



6. Вдруг к утопающим подошел человек.

— Эй, вы! Чего вы орете? Тут же воробью по колено. А-а! Вы без калош! В следующий раз, когда пойдете в рейс, берите калоши, а то промочите ноги.



КОК-САГЫЗ—ПОБЕДИТЕЛЬ

Г. ЯФФЕ

Рис. А. БРЕЯ

Среди голых казакстанских барханов стоит железнодорожная станция Кара-Чокат.

Кругом, по барханам, разбросаны казакстанские кочевья с табунами полудиких степных лошадей.

Время от времени мимо станции проходят поезда из Москвы и Ленинграда в Ташкент, в Ашхабад, к границам Афганистана и Персии. Пройдут — и опять тишина, однообразие и скука. От скуки обитатели станции Кара-Чокат любят читать книги о путешествиях и приключениях отважных людей.

Однажды, в феврале 1929 года, когда над барханами выла метель, помощник начальника станции Кузнецов читал фантастический рассказ о том, как европейцы попали в какую-то дикую страну, в которой дети очень любили жевать сладковатую резиновую массу. Эту массу детвора добывала из корней какой-то сорной травы. Европейцы научились приготовлять из этой массы резину, а сорную траву назвали «каучуконосной».

Прочитав это, Кузнецов задумался:

«Ведь и наши ребята сосут какие-то сладкие корешки, да и взрослые казаки тоже. Уж не растут ли у нас каучуконосы?»

Как только сошел снег, Кузнецов вместе с приятелем, дорожным мастером Доспеховым, отправился с лопатой в барханы. Они выкопали несколько кустов со сладкими корнями. Корни растягивались как резинка.

Кузнецов так увлекся поисками каучуконосных растений, что почти совсем перестал заниматься железнодорожными делами. Однажды по его вине случилось крушение. Его арестовали и посадили в тюрьму.

Письмо из Челкара

В осенний день всесоюзный староста М. И. Калинин сидел у себя в кабинете и просматривал письма, которые каждый день присылают ему со всех концов Советского союза. На одном письме стояла печать дома заключенных города Челкара. Тов. Калинин распечатал. Неизвестный ему человек писал о том, что он сидит в тюрьме за то, что допустил крушение поезда. Но он обращается не по личному вопросу. Он просит выслать в район Кара-Чоката комиссию и проверить, не растут ли там каучуконосы. Внизу стояла подпись «Кузнецов».

В Кара-Чокат выехала экспедиция, которая подтвердила, что Кузнецов действительно открыл каучуконосное растение. Оно называется хондрилла. Кузнецова освободили. Его назначили заместителем директора опытной хондрилловой станции. Коммунист Доспехов стал руководителем первого хондриллового промхоза.

Над барханами поднялись стены завода по добыванию каучука. Сотни казаков выкапывали корни хондриллы и свозили на завод. Автомобиль наркома

Выезжали экспедиции в поисках каучуконосов.

военмора Ворошилова уже одел шины из хондриллового каучука...

Все это произошло в 1929 и 1930 годах.

Тау-сагыз

Трест Каучуконос командировал за «резиновой травой» Зарецкого. В Туркестане Зарецкий обзавелся верховой лошадью и поехал к горам Кара-Тау.

Приближалась зима. Кочевники урочища [1] Ак-Тюбе радостно встретили редкого гостя. Он плохо говорил по-казахски. Он достал из курджумов [2] корни хондриллы и, как мог, об'яснил, что хочет найти такой же «сагыз», то есть жвачную траву, в Кара-Тау.

Казаки дали ему проводника. Он добрался до угрюмого ущелья, лежавшего высоко в горах. Там уже выпал снег.

Проводник отыскал кусты «сагыза». Зарецкий выкопал финским ножом несколько кустов. Но корни не имели «резиновых» мешочков как корни хондриллы. Зарецкий проклинал трудную экскурсию. Разочарованный, вернулся он с проводником в Ак-Тюбе.

Снова сидел он в юрте на подушках, попивая горячий чай. Он об'яснял хозяину, чем непохожи корни здешнего «сагыза» на корни «сагыза» Кара-Чоката.

Он взял хондрилловый корень и поднес к нему зажженную спичку — корень вспыхнул, запахло горящей калошей.

— Видишь, как горит, чувствуешь, как пахнет? — говорил Зарецкий. — А вот сейчас спичка, наверное, погаснет.

Он поднес спичку к корню местного сагыза.

Спичка не погасла: местный «сагыз» горел как и карачокатский.

Так Зарецкий открыл новый каучуконос.

Тотчас же он сел на коня и поехал в ближайший город Сузак. До города было 400 километров. Зарецкий ехал четверо суток. В Сузаке он сделал химический анализ корней «сагыза», найденных им в Кара-Тау, и оказалось, что эти корни содержат большой процент каучука.

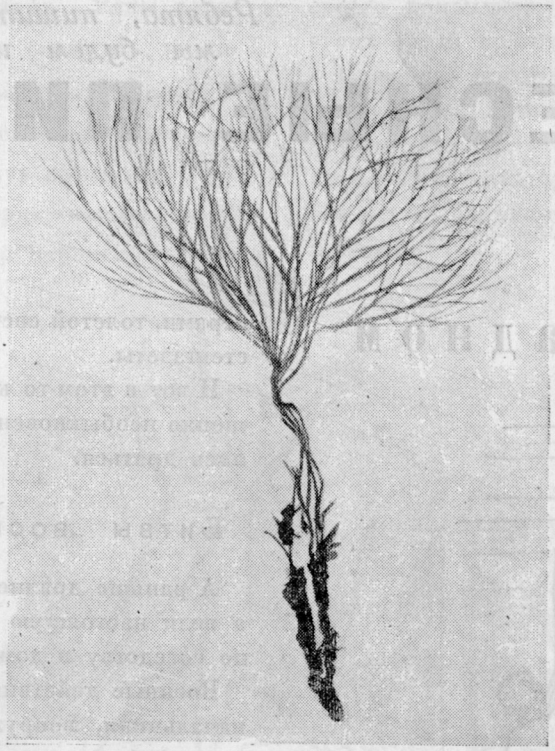
* * *

Бурно расцвела слава хондриллы. Но так же быстро потускнела Тау-сагыз — трава, найденная Зарецким, на шестой—седьмой год со дня посева дает много каучука, а хондрилла — примерно на десятый. В корнях тау-сагыза чистый каучук, а в корнях хондриллы много смолы, песку.

И вместо хондрилловых трест Каучуконос раскинул сеть тау-сагызных хозяйств.

[1] Урочище — местность.

[2] Карджумы — чересседельные мешки.



Куст хондриллы с наплывами каучука на корнях.

Кок-сагыз

В 1931 году на одной из окраин Казакстана бродила группа Родина. Родин был молодым сотрудником Ленинградского ботанического института.

Поздней осенью группа собиралась в обратный путь. К верблюдам приторачивали последние вьюки.

В собранных гербариях не было ни одного растения с ясными признаками каучуконоса. Родин сел на лошадь и с грустью подумал: «Да, экспедиция не удалась».

— Эх, ты! — укорял караванщика местный украинский переселенец Спиваченко. — Да разве так вяжут?

Он просунул руку под веревку, которой был обмотан тюк, и оттянул ее.

— А как ее завяжешь, — кричал караванщик, — когда она растягивается как вот эта резина?

Караванщик выплюнул изо рта какую-то жвачку, показывая, что именно ее он называет резиной.

Родин вспомнил историю открытия хондриллы и тау-сагыза. Он поднял с земли выплюнутую караванщиком жвачку.

— Где растет этот «сагыз»? — спросил он караванщика.

Караванщик сказал ему. Родин тотчас же отложил от'езд в Ленинград и вместе с отрядом своим отправился на поиски «сагыза» в те места, которые указал ему караванщик.

Через несколько дней отряд вернулся. Он привез с собой несколько мешков толстых корней. Зимой в теплицах Ленинградского ботанического института эти корни посадили в горшки с землей. Когда они дали ростки и на ростках появились желтые цветочки, ботаники смутились: такого растения они еще никогда не видели. Его назвали «кок-сагыз». Выяснилось, что корни кок-сагыза накапливают резиновый сок вдвое—втрое быстрее чем корни тау-сагыза.

Кок-сагыз затмил славу тау-сагыза, как тот в свое время затмил славу хондриллы.

Плантации

Каждый год, в половине мая, идут караваны в отроги Тянь-Шаня и крымскую Яйлу. Верблюды и ослики несут на горбах разнообразный груз: мешки с мукой, рисом, сахаром, палатки, котлы для варки пищи.

Пустынные горы становятся похожими на населенные места: тысячи людей бродят возле кустов тау-сагыза, кок-сагыза и крымского каучуконоса — крым-сагыза... Студенты, фабзавучники, пионеры, комсомольцы, казаки, русские, татары, узбеки... В халатах, трусиках, комбинезонах...

Через плечо висят у них мешочки, в которые они собирают созревающие семенные коробочки тау-сагыза и кок-сагыза.

Семена пересылают в каучукпромхозы.

Нынешней осенью пойдет в переработку первая крупная партия корней кок-сагыза, собранных с культурных плантаций.

Интересные письма

Ребята, пишите такие письма, мы будем их все помещать

Рис. А. ВАРНОВИЦКОЙ

Клуб в парадном

В Москве, в доме № 10, по Шмидтовскому проезду, есть парадное, а в парадном между дверями — небольшое пространство, нечто вроде комнатенки, похожей на шкаф.

Четыре года назад дворник почему-то запер парадное и даже наглухо забил двери гвоздями. Жильцы стали ходить «черным» ходом. Четыре года пустовало парадное и неизвестно, каким образом (вероятно, сверху, через разбитое оконце) набивалось окурками, консервными банками, тряпками, рваными башмаками и прочим хламом.

Однажды этим летом мимо парадного проходил сын дворника Вова Устинов. Он болтался по двору без всякого дела, очень скучал и от скуки заглянул в замочную скважину парадной двери. И вдруг ему в голову пришла блестящая мысль. Он побежал к отцу, взял у него ключ от парадного, открыл дверь и собрал ребят со всего двора на субботник.

Через два часа парадное было очищено от паутины и мусора. Под потолком висели бумажные самолеты, на стенах — плакаты. На самодельных полках лежали книжки с картинками.

Общими усилиями ребята — девочки и мальчики — превратили заброшенное парадное в веселый клуб. Через несколько дней клуб обзавелся настольными играми, толстой свечкой и даже выпустил три номера стенгазеты.

И вот в этом-то клубе с ребятами случилось совершенно необыкновенное происшествие: ребята разучились драться.

Битвы „восьмерки“ с „десяткой“

А раньше дрались они лихо! И не только дрались, а вели настоящую войну с ребятами, которые жили по соседству в доме № 8.

Военные действия обычно начинались с утра. Военачальники, вооруженные до зубов, выходили во двор, собирали всех, кто способен стрелять из рогатки и метать камни в противника, и отправлялись на фронт. Дворы домов №№ 8 и 10 пустели. Сражения происходили на площади, перед домами. В тылу оставались только маленькие девочки, не умеющие владеть оружием.

С поля битвы воины возвращались с синяками и ранами. На несколько дней война затихала, потому что израненных воинов родители подвергали домашнему аресту и не допускали к ним ни друзей, ни врагов, ни шпионов, ни союзников.

Почему воевала «десятка» (ребята дома № 10) с «восьмеркой» (ребята дома № 8), трудно сказать. Обе армии были одного возраста, учились в одной школе и только жили в разных домах. Причин для войны как будто и не было, а между тем сорванцы «восьмерки» считали своими заклятыми врагами сорванцов «десятки».

Весной, когда в школе начались проверочные испытания, война прекратилась. А летом, после проверочных испытаний, война снова разгорелась, но уже совсем другая.

Волейбол вместо рогатки

Однажды утром командир «восьмерки» собрал свое храброе войско и двинулся на противника. Армия противника в это время стояла возле клуба и не обратила никакого внимания на наступление грозного врага.

— Эй, вы! — крикнул командир «восьмерки». — Выходите на бой!

Но противники не приняли вызова.

— Эй, лодыри! Обленились за лето! — не унимался командир «восьмерки». — Выходите на площадь, на бой!

Вдруг из вражеской армии в командира «восьмер-

ки» полетел какой-то круглый снаряд. Ряды воинственной «восьмерки» дрогнули и скрылись за ворота. Но отважный командир не растерялся: он поймал снаряд руками. Это был волейбольный мяч.

— А ну, давай! — весело крикнул командир.

Когда его воины, преодолев страх, вернулись во двор дома № 10, чтобы подобрать израненное тело своего командира, они увидели, что их командир стоит среди врагов и играет в волейбол.

Сражения продолжались на том же месте, но только названия армий переменились: дом № 10 стал первой волейбольной командой, а № 8 — второй волейбольной командой. Иногда лучшие бойцы обеих команд об'единяются и играют с лучшей командой района.

солнечные часы

У нас в лагере, в столовой, на стене, висит будильник. Он ходит верно, только часто останавливается. Его приходится снимать и трясти. Тогда он опять начинает тикать исправно. Мы к этому давно привыкли и всегда ставили будильник по часам старшего вожатого.

Однажды вожатый уехал в город, а будильник как раз и остановился. В этот день у нас все перепуталось: утренняя линейка была в 10 часов, а мертвый час длился всего полчаса.

Тогда мы решили замечать время по солнцу. Окна нашей дачки выходят на все стороны, и мы каждые полчаса карандашом отмечали на подоконнике.

А потом сделали настоящие солнечные часы. В саду врыли столб, сверху приколотили к нему циферблат из фанеры, а посредине вбили длинный гвоздь без шляпки. Теперь нестрашно, что будильник может остановиться. Как только проглянет солнце, мы сейчас же можем его проверить. А солнце у нас бывает почти каждый день.

Деткор Андрей Красов

кубрик — почтальон

У самого нашего лагеря начинается лес. Только этот лес хвойный, и поэтому за вениками нам приходится ходить очень далеко. Мы всегда ходим с ночевкой: ломаем и вяжем веники, а утром за нами приезжает телега.

Когда пошли в первый раз, у нас случилась беда: мы забыли взять хлеба — и до вечера пришлось голодать. А есть очень хотелось. Мы стали придумывать, как бы сообщить в лагерь, чтобы на телеге нам прислали хлеба.

Выручил нас Кубрик, лагерный пес, который на все прогулки ходит вместе с нами. Мы написали записку, привязали ее Кубрику к ошейнику и стали посылать Кубрика домой. Но он никак не хотел от нас уходить.

Тогда вожатый закричал на Кубрика и замахнулся на него палкой.—Кубрик поджал хвост и отбежал второнку. А мы стали кидать в него сучьями и комками земли.

Кубрик, должно быть, обиделся и убежал. Утром нам привезли хлеба и консервов.

Оказалось, что Кубрик доставил наше письмо как хороший почтальон. А когда мы пришли в лагерь, он опять со всеми помирился.

Деткор Коля Субботин

Хачмасские полпреды, шуцбундовцы и писатели в редакции журнала „Пионер". Все на одном диване. В средине сидят шуцбундовец Вайс (налево) и писатель Г. Замчалов (направо). В левом углу примостился писатель Сергей Третьяков.

четырнадцать полпредов

встреча на улице горького

Четырнадцать заграничных полпредов, три советских писателя и пять австрийских шуцбундовцев встретились в редакции нашего журнала на улице Горького, 8.

Шуцбундовцы приехали в СССР из Австрии через Чехо-Словакию. По Австрии они шли пешком в боях до самой чехословацкой границы. По Советскому союзу они ехали в скором поезде. Их встречали цветами от самой границы до самой Москвы.

Четырнадцать заграничных полпредов тоже приехали в скором поезде. Это были полпреды из страны Хачмас. Эта малоизвестная небольшая страна через своих полпредов связана с четырнадцатью государствами: с Германией, Францией, Голландией, Австрией... все долго перечислять. Япония, Новая Зеландия и Канарские острова тоже не лишены полпредов Хачмаса.

Полпреды, как им и полагается, прекрасно знают жизнь связанных с ними стран. Им ничего не стоит найти свою страну на карте, назвать города, реки, количество населения, его занятия.

Трудно сказать, знакомы ли министры иностранных дел четырнадцати государств с полпредами Хачмаса. Я думаю даже, что едва ли японский император, английский король и губернатор Новой Зеландии лично знакомы с этими полпредами. Зато полпреды прекрасно знают, что за птицы новозеландский губернатор, английский король и японский император.

Это тем более замечательно, что никто из заграничных полпредов Хачмаса заграницей никогда не был. Да и трудно допустить, чтобы кто-нибудь из королей или президентов впустил к себе во дворец этих полпредов в трусиках и с красными галстуками.

страна Хачмас

Хачмас—не страна. Это станция железной дороги в Закавказье в шести часах езды от Баку. Все полпреды — это пионеры-школьники хачмасской школы. Пионеры этой школы получили красное знамя и прославились на весь Союз своей интернациональной связью.

Они организовали в школе бюро международной связи. В это бюро входит 25 человек. Все они прикреплены к разным странам и называются полпредами. Полпреды по га-

зетам, книжкам и журналам изучают страну и завязывают переписку.

Полпреды переписываются с школьниками, с взрослыми рабочими, с комсомольцами, с учителями; о Советском союзе заграницей пишут всякие небылицы. Один товарищ из Голландии написал голландскому полпреду—пионерке Дударенко, что он прочитал в буржуазной газете, как в Советском союзе консервируют маленьких детей и продают такие консервы заграницу.

Буржуазные газеты лгут. Хачмасские полпреды пишут правду. Письма хачмасцев наклеивают на плакаты и вывешивают на улицах, их читают на рабочих собраниях. Письма хачмасцев служат революции.

В редакции журнала «Пионер» полпреды ели клубнику, пили чай, говорили о своих делах, слушали, что рассказывали писатели и шуцбундовцы.

большевик с бородой

В редакцию пришли три писателя: Замчалов, Злобин и Третьяков. Двое из них никогда не были заграницей, и они все больше слушали, а третий, Сергей Михайлович Третьяков, об'ехал много дальних стран. Он был в Китае, в Монголии, в Германии, в Австрии, в Дании. Из Берлина он получил приглашение приехать от директора амстердамского туннеля. Третьяков удивился. «Зачем,—думает,—я директору туннеля нужен?» Оказалось, что «туннель» значит по-голландски театр.

— Я обрадовался,— рассказывает Третьяков,— пошел в голландское посольство и написал анкету, что я еду для докладов по приглашению таких-то, и, думая, что «маслом каши не испортишь», я решил назвать еще кинорежиссера Иореса Иванса, кинематографиста-коммуниста в Голландии. Он меня приглашал. Вот тут-то я и сделал ошибку: мне не надо было писать, что меня приглашал *коммунист*. Пора ехать, а визы все нет и нет, а потом пришла телеграмма: «В визе вам отказано».

Однако люди, которые меня приглашали, не успокоились и задали об этом вопрос министру внутренних дел в парламенте.

— Почему, — спрашивают, — ты не пустил Третьякова в Голландию?

Тот ответил:

— Потому что Третьякова приглашали на один доклад, а он написал «для докладов».

— Хорошо,— говорят,—он переделает это «дов» на «да».

Но тот ответил:

—Не «да», а «нет».

Потом в одном из журналов появилась карикатура с надписью «Коммуниста испугались». Мне ее прислали. На ней изображалось, как идут все голландские министры и очень боятся; в это же время из ящика на пружине выскакивает голова с волосами дыбом и с бородищей в три раза больше чем у Шмидта. Это так они меня изобразили.

— Похож,— рассмеялись хачмасцы. Третьяков бритый, голова у него гладкая как яйцо, совсем без волос.

Полпреды выслушали Третьякова. Он рассказывал много интересного. Когда же чай был выпит, клубника с'едена и выслушан рассказ Третьякова, стол отодвинули, и Хачмас стал показывать свое искусство. Ребята пели русские, тюркские и немецкие песни, плясали, хотели заставить Третьякова поплясать, но не удалось.

рассказ Вайса

В конце вечера шуцбундовец Вайс по-немецки рассказал ребятам историю о том, как пролетарские ребята участвовали в восстании австрийских рабочих. Его рассказ переводил писатель Третьяков.

«— Вместе со мной,— рассказывал Вайс,— в тюрьме сидел пятнадцатилетний парнишка.

Я спросил его:

— Как ты сюда попал?».

— Когда начался бой,— ответил он,— я пришел вместе с шуцбундовцами к сборному пункту, для того чтобы принять участие в этих боях с фашистами».

Он пришел на сборный пункт, заявил, что хочет бороться вместе с шуцбундовцами, и просил оружия. Но оружия было мало для самих шуцбундовцев, и они сказали, что не может быть и речи о том, чтобы снабжать ребятишек оружием.

— Иди домой,—сказали ему.

Однако, вместо того чтобы идти домой, мальчик пошел на другой сборный пункт. Там он опять стал просить оружия. Но и там ему не дали. Парнишка так пристал, что его пришлось буквально вытолкнуть на улицу. Но домой парнишка и после этого не пошел, а стал ждать на улице.

Когда он увидел, что шуцбундовцы куда-то отправились, он стал за ними красться, выслеживая, куда они пойдут. Они пошли в свою центральную казарму, в помещение, где был их общий дом. Он проник вместе с ними туда и сказал:

— Вот я здесь. И сейчас вы уже не можете выкинуть меня на улицу, потому что я там тотчас же погибну.

Так он остался вместе с ними, и его арестовали вместе с шуцбундовцами.

Когда его привели в полицию, комиссар полиции решил:

«Привели маленького. Он, наверняка, окажется слабее взрослых. Его можно будет уговорить рассказать об интересных для полиции вещах».

А полицию интересовало, по чьему приказу оказались здесь шуцбундовцы.

Комиссар начал разговаривать с ним тихо и спокойно:

— На каком основании и откуда ты взял пропуск, чтобы попасть в эту казарму?

Вместе с австрийскими рабочими выступали и дрались ребята 14—15 лет. Вместе с ними попадали они в лапы полиции и правительственных войск. На снимке: впереди один из дружинников, парнишка школьного возраста.

Бился он, бился над этим парнишкой, но кончилось тем, что он ударил его по лицу и сказал:

— Если ты будешь упираться, то мы попросту поставим тебя к стенке.

Но парень все-таки ничего не ответил. Он считал, что полицейский комиссар не имеет права его расстрелять.

— Вы не имеете права требовать от меня этих сведений. Я вам ничего не расскажу.

Тогда комиссар стал таскать его за волосы, еще несколько раз ударил по лицу, и все-таки мальчик не сказал ни слова о шуцбундовцах. Так комиссар ничего и не добился.

Вот еще случай. Это было 14 февраля. Бои были в разгаре. Шуцбундовцы засели в очень крупной новостройке. На улицах лежали уже убитые и тяжело раненые. Все время шел обстрел улиц. В ходу были даже пушки. Отряды ребят приносили еду и питье всем шуцбундовцам, которые стреляли из окон.

Двое парнишек решили во что бы то ни стало пойти на улицу и сделать перевязки лежащим на улицах шуцбундовцам. Эти ребята были братьями милосердия. И нужно было силой заставить ребят подчиниться дисциплине и не выходить на улицу».

Так рассказывал шуцбундовец Вайс. Полпреды слушали, не спуская с него глаз, как будто хотели увидеть на нем следы февральских боев. Как-никак перед ними сидел человек, мимо которого только месяц назад свистели фашистские пули.

После рассказа Вайса полпреды-писатели и шуцбундовцы уселись на диван в комнате редактора, чтобы сниматься, и вот они все на двадцатой странице журнала.

ПРО

футбол, значок БГТО, борьбу, мастеров спорта и др. физкультурные новости

ФУТБОЛ

Все ребята очень любят футбол.

Как только соберутся несколько человек где-нибудь на дворе и достанут мяч, так сейчас же начинают гонять его, и каждый непременно хочет стать Селиным или Старостиным.

Играют с азартом, часто дело доходит до драки, и редко обходятся без синяков. Каждому хочется загнать побольше «голов».

Но от такой игры ни Селиным, ни Старостиным не сделаешься, и вместо пользы она приносит только вред.

Чтобы стать хорошим футболистом, мало доупаду гонять мяч из ворот в ворота: надо быть крепким, выносливым физкультурником, надо научиться хорошо рассчитывать свои силы, надо уверенно владеть мячом.

Но самое главное, что нужно для хорошего футболиста,—это уметь играть в коллективе: ведь только при согласованной, дружной игре всей команды можно выиграть.

Поэтому, чтобы научиться хорошо играть в футбол, надо сначала выучиться бегать, прыгать, плавать, кататься на коньках и на лыжах, заниматься гимнастикой — и только после этого выходить на футбольное поле.

И Селин и братья Старостины до сих пор занимаются всеми видами физкультуры, хотя они давно уже лучшие футболисты у нас в Союзе.

До сих пор у нас не было соревнований по футболу для ребят, и вообще на играющих в футбол детей старшие смотрели косо.

Но недавно решено было ввести футбол в систему детской физкультуры, и скоро у нас уже будут футбольные соревнования школьников и пионеров.

Правда, для ребят правила будут не совсем такие, как для взрослых, например: поле для игры уменьшено (90 × 50 метров), время игры сокращено, введены добавочные два перерыва по 2 минуты.

Ребятам в возрасте 12—13 лет запрещается играть больше 40 минут и участвовать в официальных соревнованиях. А ребятам 14—15 лет уже можно устраивать настоящие состязания, но тоже, конечно, не такие, как у взрослых. Мальчики 16—17 лет играют 60 минут.

При этом все ребята, играющие в футбол, непременно должны часто показываться врачу, а игры и тренировки можно проводить только под наблюдением инструктора.

Подробные правила по футболу и другим спортивным играм для ребят уже издаются и скоро будут продаваться.

Будь готов к труду и обороне

У пионеров и школьников будет свой физкультурный значок — БГТО.

БГТО — это значит: **Будь готов к труду и обороне.** Получат этот значок те ребята, которые сдадут нормы по физупражнениям и специальным знаниям по особой программе.

Кроме того для получения значка БГТО надо быть ударником учебы и заниматься регулярно физкультурой.

В программу входят такие нормы по бегу, прыжкам, плаванию, гребле, гимнастике, ходьбе на лыжах:

мальчик 13 — 14 лет должен пробежать 60 метров в 9 секунд, пройти на лыжах 3 километра в 22 минуты, прыгнуть в высоту на 110 сантиметров, в длину — на 3 метра 30 сантиметров, бросить гранату весом в 500 граммов на 25 метров, проплыть 25 метров в 25 секунд, продержаться на воде 6 минут и т. д. Для девочек нормы несколько легче, а для возраста 15 — 16 лет нормы труднее.

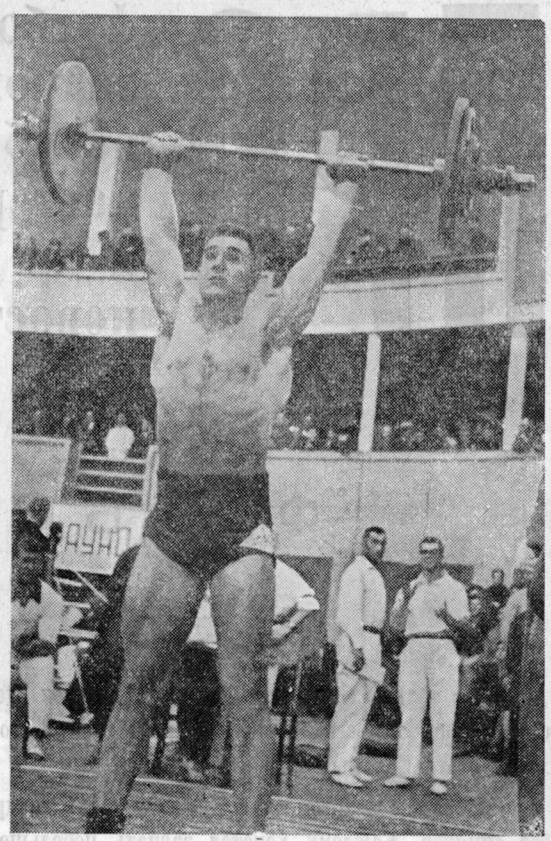
К тому же нужно уметь стрелять, пользоваться противогазом и разбираться в карте.

Но и этого мало: чтобы получить значок, надо еще уметь руководить физкультурной группой и судить спортивные игры, а самому выполнять санминимум, т. е. мыться, чистить зубы, закалять себя, соблюдать правильный режим и пр.

Все это, конечно, не очень легко, но зато все ребята, которые сдадут нормы, получат специальную грамоту и **значок.**

САМЫЙ СИЛЬНЫЙ

В этом году на состязании по тяжелой атлетике из Закавказья приехал 22-летний комсомолец-физкультурник Серго Амбарцумян и неожиданно победил лучших тяжелоатлетов Союза. Двумя руками он выжал 111 и толкнул двумя руками 147 килограммов. За время соревнований он поставил 4 новых всесоюзных рекорда и чуть-чуть не дотянулся до мирового рекорда в рывке одной рукой: мировой рекорд — 95 килограммов, — Серго вырвал 91,5 и почти взял 96,5 килограмма. Таких результатов Серго добился потому, что он нашел правильное применение своей природной силе и все время регулярно тренируется.



Что такое мастер спорта?

Двадцать два лучших физкультурника нашей страны получили звание **заслуженного мастера спорта.**

Первым в списке награжденных почетным званием **заслуженного мастера спорта** стоит имя нашего лучшего конькобежца **Я. Ф. Мельникова.** 25 лет назад Яша Мельников катался на «снегурочках» на Девичьем поле и проводил там все свое свободное время. Уже тогда он обгонял всех своих товарищей.

Яша присматривался к тому, как бегали знаменитые в то время конькобежцы Струнников и Седов, старался им подражать и мечтал о норвежских беговых коньках.

Наконец, в 1913 году, он достал коньки, но оказалось, что бегать на них гораздо труднее чем на «снегурочках». И только через год, после упорной тренировки, Яша занял четвертое место на первенство России.

С тех пор с каждым годом он бегал на коньках все лучше и лучше, и конькобежный спорт стал его любимым отдыхом.

Когда началась революция, Мельников пошел в красную гвардию, где пробыл до 1923 года, но и здесь он не бросал любимого спорта. А когда кончилась гражданская война, он попрежнему все свободное время стал проводить на катке.

Такая упорная спортивная работа принесла свои результаты: уже с 1924 года тов. Мельников сделался лучшим конькобежцем СССР.

До сих пор он побеждает на ледяной дорожке всех конькобежцев Союза, но не забывает готовить себе смену. Он обучает этому интересному виду спорта молодых конькобежцев завода им. Сталина и других рабочих организаций. Лучшие достижения Я. Мельникова: 500 метров — 45 секунд, 1500 метров — 2 минуты 24 секунды, 5000 метров — 8 минут 30,3 секунды и 10 000 метров — 17 минут 40,9 секунды.

Наравне со взрослыми

Недавно в соревнованиях по легкой атлетике трех городов: Москвы, Ленинграда и Харькова — пионеры впервые участвовали наравне со взрослыми. На этих соревнованиях пионеры показали очень хорошие результаты: Женя Сеченова пробежала 60 метров в 8 секунд и прыгнула в длину на 470 сантиметров; Кузнецова бросила мяч на 27½ метров; Великодворский пробежал 100 метров в 11,6 секунды; Константинов и Прокофьев прыгнули в высоту на 158 сантиметров; Рудакас бросил гранату на 56 метров.

Пишите в журнал

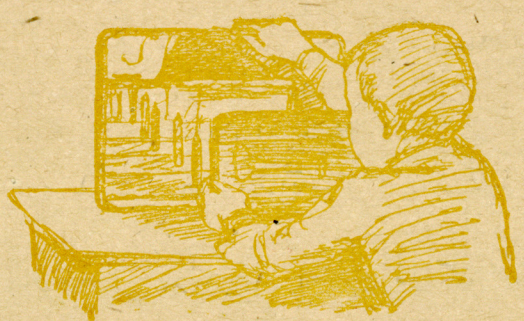
Этим летом 900 тыс. пионеров выезжали в лагеря. 1 миллион 100 тысяч ребят занимались спортом на площадках при школах и жактах.

Ребята! Пишите нам, как вы провели лето, научились ли вы плавать, грести и стрелять, какие нормы сдали вы на значок БГТО. Расскажите о праздниках, о соревнованиях, в которых вы участвовали.

КАЛЕЙДОСКОП

Проделайте маленький опыт: положите клеенчатый метр на стол, воткните у самого его конца булавку и поставьте зеркало поверх метра на расстоянии нескольких сантиметров от булавки. Сосчитайте, сколько сантиметров от булавки до зеркала и сколько их в зеркале. Вы увидите, что зеркало не только правильно изображает предмет, но и расстояние от предмета до зеркала. Это вы, конечно, не раз наблюдали, подходя к зеркалу: вы приближаетесь — и изображение приближается, вы остановились — и изображение остановилось на таком же расстоянии.

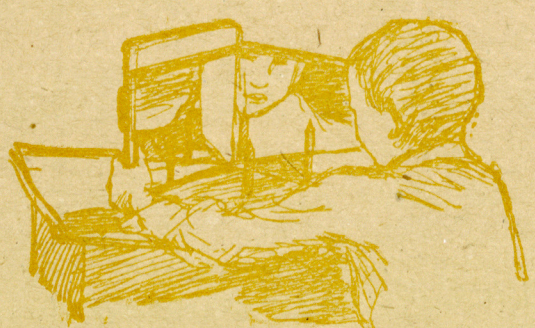
Поставьте два зеркала так, чтобы булавка оказалась между ними, и смотрите поверх одного зеркала в другое. Вы увидите целый ряд булавок, выстроившихся «взатылок» друг другу. Посмотрите с другой стороны: и в другом зеркале то же самое. Но поставьте их под углом (булавка между ними): ряды булавок уходят вбок, к ребрам зеркал. И чем больше вы раздвигаете зеркала, тем меньше булавок видно; чем больше вы их сдвигаете, тем больше булавок «выходит» из-за ребра и выстраивается друг за другом.



Насыпьте между зеркалами, поставленными под углом, какую-нибудь мелочь: пуговички, осколки стеклышек, цветные бумажки. В зеркале вы увидите поразительную картину: красивую узорчатую звезду.

Мы сейчас сделаем калейдоскоп, в котором это явление еще интереснее, разнообразнее и поразительнее.

Из дешевого зеркала алмазом надо вырезать две полоски (это могут сделать в магазине, где зеркала продаются) шириной 65 миллиметров и длиной 15—20 сантиметров. Затем вырежьте полоску толстого картона такой же ширины и длины, как зеркала, и склейте полосками материи два зеркала и картонку, сложив ребрами. Получится трехгранная призма.



Возьмите слегка смоченный кусок картона и круглой палкой или скалкой, которой катают белье, начните, крепко прижимая, катать по картону. Картон начнет закатываться, и через некоторое время его легко будет закатать в трубку. Трубка должна иметь высоту на один сантиметр больше длины зеркал, а диаметр такой, чтобы призма зеркал туго в него входила. Когда вы измерили и отметили нужный диаметр, отрежьте лишний картон и склейте его в трубку по краю столярным клеем, прибив по этому краю трубку к той же скалке несколькими гвоздиками до высыхания.

Потом надо приготовить два стеклянных кружка. Их можно заказать в стекольной, но если есть алмаз, можно изготовить и самому. У стеклянного квадрата надо обрезать углы, как показано на рисунке пунктиром. Когда уголки останутся маленькие, их надо просто обломать плоскогубцами. Кружок выйдет неровным — это ничего, лишь бы он вошел внутрь трубы,— такой диаметр кружка и должен быть намечен на стекле. Если он не входит, его надо по всему краю поскоблить напильником и потереть наждачной бумагой.

Пока вы приготовляли кружки (их надо сделать два), трубка высохла. В нее вставляйте призму из зеркал так, чтобы с одного конца она была углублена на 1 сантиметр от края, с другого до края не доходила. Вот с этого конца вставьте один из стеклянных кружков так, чтобы он лег на зеркала плотно. Стеклышко должно быть хорошо протертым и чистым. Чтобы стекло не выпадало, его по краю залепляют разогретым и раскатанным кусочком сургуча, можно в двух—трех местах. Этот сургуч поможет положить второе стекло так, чтобы между стеклами удалось положить осколочки цветного стекла, фарфора, маленькие пуговички и прочую

мелочь. Эта мелочь между двумя стеклами не должна быть зажата, а должна свободно передвигаться, если вращать трубку в наклонном положении. Второе стекло закрепляется так же сургучом.

Другой конец трубки заклеивают картонным кружком с маленькой, в полсантиметра диаметром, дырочкой для глаза.

Калейдоскоп готов.

Возьмите его в руки, приложите глаз к отверстию и глядите через него на белую бумагу, положенную на стол. Вы увидите поразительную картину.

В поле зрения, между углами зеркал, будут видны заключенные вами в стекла кусочки. Они там в полном беспорядке. Но вам представится правильная пятиконечная звезда, совершенно симметричная и необычайно разнообразная по рисунку.

Слегка поверните калейдоскоп — осколки цветных кусочков зашевелятся, переместятся, сложатся другую фигуру—и вы снова увидите уже совершенно другую, но такую же по размерам и симметрии звезду. И, сколько бы вы ни поворачивали калейдоскоп, вы увидите все новые и новые, никогда не повторяющиеся, но неизменно симметричные рисунки.

Нижнее стеклышко можно заклеить папиросной бумагой или заменить его матовым стеклом,— тогда можно смотреть в калейдоскоп прямо на свет.

С. Б.

БИОСКОП

Есть инфузории, которые называются туфельками. Эти туфельки жадно облепляют капельку с раствором соляной кислоты, забираются в середину капельки и сосут ее. Но если взять раствор покрепче, то внутрь капельки ни одна инфузория не полезет — слишком кисло.

Они будут толпиться вокруг капли, то есть там, где раствор сильнее разбавлен водой, где кислота пожиже.

К серной кислоте те же туфельки совершенно равнодушны, если только раствор не очень крепок, а медный купорос они ненавидят. Достаточно в трубку с водой подбавить самое незаметное количество купоросу, как туфельки бросятся от него врассыпную.

Некоторые бактерии не выносят кислорода. Они не погибают от него, но им ненавистен его вкус или может быть запах. Если можно убежать — убегают, если нельзя — терпят.

Отв. редактор Б. ИВАНТЕР Худ. редактор М. АСКИНАЗИ Издатель: Издательство ЦК ВКП(б) „Правда"

Сдан в набор 16 VII—44 г., подписан к печати 20 VIII—44 г. Изд. № 795 Формат 84/16 62×94 см. 1½ б. л. 135.000 п. зн. в 6-м л.

Уполномоченный Главлита № В—94.806. Типография газеты „Правда", Москва, ул. Горького 48. Заказ № 2330 Тираж 40.000